

КАТИ ХИЕККАПЕЛТО

18+

КОЛИБРИ

Международный бестселлер

Annotation

В приморском финском городке, где под внешним благополучием скрывается целый ворох социальных и частных проблем, на беговой дорожке находят тело девушки: ее застрелили в упор из дробовика. Анна Фекете, молодая следовательница венгерского происхождения, отправляется на место преступления. Это ее первый день в отделе убийств. И как будто окровавленного трупа недостаточно, ей достается худший из всех возможных напарников — расист и пьяница Эско.

Анна быстро понимает, что легким дело не будет: у главного подозреваемого — железное алиби. А у полиции на руках нет ничего, кроме одной-единственной зацепки: найденного у жертвы странного амулета с изображением ацтекского бога-колибри.

Кати Хиеккапелто

Колибри

Kati Hiekkapelto

Kolibri

First published in 2013 by Otava Publishing Company Ltd. with the Finnish title Kolibri

Печатается с разрешения издательства Otava Publishing Company Ltd. и агентства Otava Group Agency, Helsinki

© Kati Hiekkapelto

© Богданов Е., перевод, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

В ту ночь Песочный человек обернулся гестаповцем. Отправляясь на свой обход, он – вжик-вжик – снял с себя синий костюм с шапочкой и бросил их в стирку, а потом обрядился в длинное кожаное пальто и блестящие лаковые сапоги, швырнул меня на заднее сиденье автомобиля и увез. Попробуйте угадать, для чего у него на ремне имелась пряжка? Всю дорогу я боялась уснуть, хотя ехали мы долго.

В детстве я видела истерзанных и забитых камнями людей, наверное, от этого я должна ощущать душевную травму, но нет, зато я знаю, как будет выглядеть мое мертвое тело, а еще я слышала о сброшенных с балкона девушках – этих Ангелах Ринкебю и Клиши-Су-Буа, оказывается, они не умели летать. А еще я знавала одну девушку, так она просто исчезла, wallahi!^[1] Все знали, что ее просто отправили туда, на бывшую родину, в жены одному жиртресту-извращенцу с золотыми зубами и пальцами-сосисками, типа «надо спасти честь семьи» и все такое. Все вздохнули с облегчением и каждый приклеил себе на рыло такую сучью улыбочку, типа «все просто зашибись, как круто». Каждый, кроме той девчонки. Короче, извращенец получил игрушку, в которую можно совать свою вонючую колбасятину.

Песочный человек отвез меня к тетушке и дядюшке в другой город и оставил на диване. Так я и лежала там без сил и прислушивалась к каждому скрипу, боясь, что они вот-вот придут и убьют меня. Слышно было, как тетушка включает воду на кухне, как чего-то шепчет в телефон, как они шушукуются с дядюшкой, как они шелестят там чем-то. Какими уж они мне тетями и дядями приходятся – фиг знает, в смысле если как в этой стране, а не по-нашему. Насколько я в курсе, мамыны братья-сестры живут в Швеции, а папашкин единственный брат давным-давно окочурился. Эти были тетушкой и дядюшкой, как у нас считается. Давние друзья. Какие-то родственники по отцу. Они никогда не спали и вроде как не ели, хотя мне и приносили какие-то бутерброды. Такое чувство, что они всю дорогу находились в состоянии полной готовности. Какого приказа они ждали? Сбросьте девку с балкона, ой, пардон, несчастный случай. Или: значит так, самолет улетает через два часа, мы уже купили билет!

От дивана несло Курдистаном. Ну не возьму я в толк, как только они умудряются притащить с собой этот запах, чтобы воняло все: диваны, ковры, шкафы с одеждой и жрачкой, кровати с простынями, телик, мыло, волосы и кожа? В чем они его проносят? В банке, что ли, тащат? И как он годами сохраняется у них на расстоянии тысяч километров? Неужели, как в песне поется, Курдистан – это воздух, которым я дышу?

Дядюшка с тетушкой пасли каждое мое движение и не разрешали даже закрыть дверь в туалет, когда я шла пописать. Как будто я могу провалиться в канализацию или вылететь в вентиляционную трубу! Сбежать я просто не могла. Конечно, я считала шаги и время, сколько потребуется, чтобы выбежать в прихожую, добежать до двери, рвануть ее и броситься в коридор, на улицу, зовя на помощь. Но они

дежурили на кухне, а та разевала свою пасть прямо в прихожую, перекрывая путь для бегства длиной в вечность. Они по-любому схватили бы меня еще до того, как я коснулась бы входной двери. Да и куда там: дверь на замке, а ключ у дядюшки, а там еще цепочка и вторая дверь. Мне говорили, что в Финляндии я в безопасности, но тут я боялась больше, чем когда была маленькой и ходила по лужам крови на улицах. Но тогда отец с матерью хотя бы редко, но смеялись.

Я просто не могла лежать там и ждать, когда этот изменивший облик Песочный человек войдет и скажет: «Все», и тогда они сделают со мной что-то ужасное. Я должна была действовать. Я достала свой телефон – как они вообще не врубились, что его нужно забрать? Так лохануться! Наверное, волновались.

Потом я набрала номер. Любой первоклашка выучивает его уже в первый школьный день. Безопасность превыше всего – такова Финляндия. Когда я была мелкой, мне становилось страшно от одной мысли, что нужно будет позвонить в случае пожара или если маму хватит удар и я не смогу сказать, что стряслось. Что моих слов не поймут. Тот номер не только не укрепил моего ощущения безопасности, наоборот, он разрушил то, что было. По ночам мне стали сниться кошмары, я планировала, что побегу к соседям, как я сделала бы дома, но и это стало казаться маловероятным, когда через две недели я поняла, что не знаю никого из наших соседей, кроме одной тети с первого этажа, потому что она в меня харкается.

Сегодня я знаю все нужные слова, знаю целый новый язык, знаю его лучше, чем свой старый, могу позвонить даже на коммутатор государственного лесного управления, и за шумом своих сосновых лесов они не услышат в моей речи ни малейшего намека на Курдистан.

А еще я знаю, что здесь в принципе можно доверять полиции, если ты, конечно, не попадаешь под Дублинскую процедуру или диктаторы из миграционной службы не сочтут тебя непотребщиной, которую нужно отослать обратно. Я не такая, у меня гражданство. Не, ну прикольно: я финка, самая что ни на есть официально зарегистрированная! В это лото я выиграла если не семь из сорока девяти, то шесть с половиной точно. Вариантов, кроме как поверить в чудо, у меня не было. Я позвонила в службу спасения.

Растущий по краям дорожки ивняк постепенно переходил в безмолвный лес, тени от его ветвей медленно растворялись в надвигающихся сумерках. По опилкам ухали светлые кроссовки: ноги ковали землю, натренированные мышцы работали, а сердце задавало правильный ритм. Пульсометр ни к чему, она не собирается даже покупать его, — если твое тело полностью под контролем, ты знаешь, чего от него можно требовать.

После первого километра первоначальная тяжесть начала уходить, ногам стало легче, дыхание выровнялось и в беге появились та легкость, тот расслабленный темп, которые могут довести до самого края вселенной.

Приятно дышится влажным воздухом, освеженным дождем и насыщенным кислородом. Легкие работают как кузнечные меха — сегодня им не до усталости. Тело покрывается потом. Она подумала, что если сейчас остановится и разденется догола, то будет блестеть, как этот мокрый лес. Ступни горят. Пора снять перчатки — это только поначалу рукам холодновато. Налобная повязка впитывает стекающие на лицо капли пота, густые волосы намокли у корней. В опилках глухо звучат ровные шаги, мир сжимается вокруг их монотонного ритма, выталкивая из головы ненужные мысли. Остался только шаг, шаг, шаг и ничего больше в этом полном зла мире.

А затем дыхание участилось, усталость начала подниматься от коленей. Пришлось сбавить темп, чтобы получилось добежать до дома. Осталось совсем немного: вон виднеется поваленное дерево, за ним последний рывок — и все. Падая, дерево повалило несколько березок, и теперь его корневище торчало, как голова тролля. Она опять подумала, что за ним можно хорошо спрятаться.

На другой дорожке тишину нарушал лишь шелест тренировочного костюма еще одного бегуна. Лес стоял в молчании, шум моря терялся где-то в его глубине. Только она подумала, неужели птицы уже улетели или, быть может, уснули, как рядом каркнула ворона. Неожиданный звук заставил ее вздрогнуть, перевернул сердце в груди, и сразу же откуда-то сбоку послышался треск, словно гнулись и тут же распрямлялись ветки — в лесу кто-то был. Нет, не кто-то, а что-то: птица, еж, насекомое, в конце концов. Но боже упаси от такого насекомого, пускай это будет лисица или барсук, в лесу ведь всегда полно всякой живности, не стоит пугаться. Так она повторяла, пытаясь успокоиться, но без особого успеха. Она побежала быстрее, даже слишком быстро. Вся чехарда ее жизни заполнила ее голову сплошной какофонией, и сегодня она опять пошла на пробежку, чтобы хоть как-то развеяться.

Она делала это все лето как бесноватая. «Скорей бы начался учебный год, и уехать отсюда, от всей прошлой жизни, начать с чистого листа, перевернуть страницу, открыть новую главу». Эти фразы она повторяла себе с тех пор, как узнала о своем зачислении в университет, но ее не отпускало ощущение, что окончательно освободиться не выйдет.

Когда она была на втором этаже, внизу захлопнулась дверь в подъезд. Последний рывок — взлететь на полной скорости на пятый этаж, и, хотя икры пылали адским огнем, она знала, что справится с этим без труда. Сегодняшняя тренировка была одной из самых простых в ее программе: менее часа легкого бега в комфортном темпе — сплошная радость

и удовольствие. В прихожей она скинула пропотевшую одежду, вошла в душевую, открыла кран, и горячая вода забарабанила по ее пульсирующей красной коже, смывая горькую клюкву пота и пену шампуня в протянувшиеся во все стороны под городом канализационные трубы, откуда они попадут на очистные сооружения и ими займется рабочая смена, состоящая сплошь из крепких мужчин. Эта мысль показалась ей забавной. Она вышла из душа, завернулась в белый банный халат, закрутила на голове тюрбан из полотенца, открыла банку пива, вышла на балкон и закурила: скучный бетон и темные окна — этаж за этажом — сплошная темнота. Дежавю, как же так вышло? Она вслух засмеялась над этим районом, пытающимся ее обмануть, впрочем, как обычно. Сейчас он прикидывается спящим, но она хорошо знает, что это чепуха. Все, что он прячет за своими бетонными стенами, знакомо ей до боли. К счастью, после пробежки оно не сильно ее волновало, да и завтрашний день — странно, правда?! — не пугал своим приближением. Эндорфины превратили ее нервы в американские горки, и спать она отправилась в отличном настроении. «Jó éjszakát»^[2], — сказала она себе шепотом и уснула.

Запыхавшись, бегунья сбавила темп и медленно бежала по стихшему, темнеющему лесу. На темно-зеленой листве блестел дождь, не добравшийся до земли. Позади вдруг раздался сильный хруст — лось или лисица, кто его знает?!

Она боязливо осмотрелась по сторонам. «Слишком тихо, неестественно тихо», — подумала она и мысленно прокляла свою скорость. Бежать больше не было сил, и, хотя ей было уже по-настоящему страшно и очень хотелось домой к маме, пришлось перейти на шаг. Да уж, так жир не сожжешь, останется молочная кислота, и завтра все будет болеть. А ведь постройнеть нужно, обязательно нужно. «Все должно измениться», — твердила она себе, пытаясь перебороть страх и отвлечься от мыслей о пугающем лесу, где кто-то явно наблюдал за ней из-за деревьев.

«Что за глупости! — прошептала она. — Я схожу с ума, и поделом. Нужно просто все забыть, перестать грешить, зализать раны, твою мать, что за клише, придумала бы хоть что-нибудь оригинальное». Ее голос заглушил раздавшийся в лесу хруст.

Оставшиеся полкилометра она прошла, тяжело дыша. Казалось, сил нет даже на это и дойти не получится. Когда между деревьями уже замаячил желтый кузов автомобиля, когда она заулыбалась своим детским страхам, она увидела перед собой темный силуэт — кто-то присел на дорожке. Вдруг силуэт выпрямился и направился прямо к ней.

Уже четвертый день самая настоящая грозовая туча неумоимо поливает город. Холодно и серо. Пешеходы, спешащие под зонтиками в утренней толчее, пытаются увернуться от поднимаемых проезжими машинами брызг. Самые сообразительные — в резиновых сапогах. Хочешь не хочешь, но лето, кажется, ушло безвозвратно, хотя кожа никак не желает забыть жару и прикосновения морской воды. Начался учебный год, отпуска у трудящихся закончились и общество вернулось к своему привычному ритму: работа-дом-работа-дом, больше никакого бездельничанья на скамеечке в сквере и сдувания одуванчиковых парашютиков^[3].

Без четверти восемь Анна открыла входную дверь ведомственного здания в самом центре города своей юности и вошла в его постоянно бодрствующий вестибюль. Она посмотрела на часы и констатировала, что ее новый начальник запаздывает. Затем достала из сумочки пудреницу, придала челке бодрый вид и мазнула на губы немного блеска. Попыталась глубоко дышать. Ладони вспотели. Захотелось в туалет.

За решетчатыми плафонами дрожали неоновые огни. Поспать Анне все-таки не удалось. Она проснулась рано и сразу же начала нервничать, но усталости не было — адреналин расправил по-утреннему путанные мысли.

За неделю до этого прошлое стало настоящим: на арендованном микроавтобусе с помощью двух коллег она перевезла свои пожитки и кое-какую мебель за несколько сот километров, окончательно распрощавшись со своим студенчеством и случайными заработками. Большая часть ее нынешнего имущества была еще с той поры, когда она десять лет назад отправилась учиться в другой город.

Анна снимала квартиру в Койвухарью — в том же районе, где прошла ее юность и где по-прежнему жил Акос. Репутация у района была еще та, но цены на квартиры — вполне умеренные. Фамилия Анны, выложенная пластиковыми буквами на почтовом ящике, не вызвала у остальных жителей дома никакого удивления. По сути, даже полученное ею высшее образование не слишком отличалось от среднего по району, потому что, удивительным образом, в Койвухарью проживали многие из осевших в стране иностранных учителей, врачей, инженеров и физиков. Единственным статистически существенным отличием являлось то обстоятельство, что у Анны была работа и что она занимала соответствующую полученному образованию должность. А все местные физики были бы счастливы, если бы им разрешили помогать уборщице.

Вообще, в Койвухарью оказывались не по своей воле, не такой уж это был привлекательный район. Благостные буржуа из центра имели четкое представление о том, какой репутацией он пользуется, но не представляли себе, как он выглядит. Что уж говорить о пестроте труднопроизносимых фамилий на табличках в подъездах — она бы их точно напугала.

Анна никогда не стремилась въехать в квартиру с высокими потолками и зашкаливающей стоимостью аренды. Ей было комфортнее по ту сторону парадных фасадов, в тени отдаленных закоулков.

Возможно, поэтому она и пошла работать в полицию.

Старший комиссар полиции Пертти Вирккунен опоздал почти на десять минут. Это был

невысокий, бодрый усач за пятьдесят в отличной физической форме. Он принял Анну, приятно улыбаясь, и пожал ей руку так, что у нее затрещал локтевой сустав.

— Для нас большая честь работать с тобой, — сказал Вирккунен. — Здорово, что в нашу команду вливается полицейский иностранного происхождения. Собственно, государственные мужи уже десятилетиями об этом вещают, только вот в действительности как-то не приходилось встречать никого, даже младшего констебля. То бишь иммигранта. Хотя в остальном мы с вами хорошо знакомы. Я имею в виду...

Сказав это, Вирккунен смутился. Анна собралась ответить ему поядреннее, чтобы совсем его пристыдить, но на языке ничего готового не вертелось, и она решила оставить все как есть.

— Первые пару дней можешь особенно не утруждаться. Познакомься с конторой, с людьми. Спешки никакой, можешь спокойно приступать к делам, — сказал Вирккунен, ведя Анну от отдела к отделу. — Это же твоя первая должность, и ты вообще впервые в криминальной полиции? Тогда тебе нужно запастись временем и терпением, чтобы познакомиться с нашей моделью работы. Каждое утро у нас совещание в восемь. Делаем обзор ситуации и распределяем задания. Совещание аналитической группы — раз в неделю. Собственно, наш секретарь выдаст тебе общий календарь и твой личный график.

Анна шла за Вирккуненом, кивала головой, пытаясь запомнить расположение коридоров и отделений, составить хоть какое-то представление о плане здания. Однажды летом, по окончании лица, она уже успела поработать в этом здании на нижнем этаже, на подхвате в отделе выдачи лицензий. Помогала в обработке сотен заявлений на получение паспорта, заполненных людьми, едва ли не накануне отъезда в отпуск заметившими, что их проездные документы недействительны; помогала в формировании папок, разбирала шкафы, варила кофе, а под конец даже получила возможность познакомиться со всеми нюансами работы паспортной службы. В остальном это здание было ей незнакомо. Оно казалось запутанным, как любой дом, с которым только начинаешь знакомиться.

Вирккунен провел Анну в свой кабинет на четвертом этаже, где работал убойный отдел. Помещение казалось большим и светлым. Оно располагалось в середине коридора прямо напротив комнаты отдыха. Все папки и документы стоят по ранжиру на полках, компьютер на столе выключен. На окне висит кашпо с тремя пышно разросшимися ампельными цветками, на полу — юкка размером с небольшое дерево. На стене — фото блондинки и трех светловолосых детей, улыбающихся с экзотического берега смотрящему. За ними море и солнце — все, как полагается в счастливом отпуске счастливой семьи.

На металлическом столике уже привезли кофе в термосе и чашки, в корзинке под полотенцем спрятались обязательные утренние булочки. Анна задалась вопросом, хватило бы ей сил от всего этого отказаться. В кабинете хватало места еще и на второй стол, для совещаний. За ним сидели трое полицейских в штатском.

— Доброе утро всем, — поздоровался Вирккунен. — Хочу представить вам нашего нового старшего констебля: Анна Фекете, прошу любить и жаловать.

Двое из сидевших встали и подошли к ней пожать руку.

— Утро доброе! — поздоровалась с Анной женщина-офицер. — Что же, добро пожаловать в нашу команду, приятно видеть здесь еще одну женщину. Эти парни меня иногда жутко раздражают. Я Сари, точнее, Сари Йокикокко-Пеннанен — жуткое имечко у меня, правда?

Высокая светловолосая женщина ростом с Анну всем своим обликом излучала

доброжелательность. У нее были тонкие, но теплые руки и крепкое рукопожатие.

— Всем здравствуйте! Приятно познакомиться, я немного волнуюсь, надеюсь, что мы сработаемся.

— Не парься! Нам уже доложили, что ты чертовски хороший полицейский, так что нам очень приятно, что ты будешь работать здесь. Кстати, у тебя отличный финский и даже не слышно акцента, — сказала Сари.

— Спасибо. Вообще-то я давно живу в Финляндии.

— Да? Сколько?

— Двадцать лет.

— Значит, переехала совсем ребенком?!

— Мне было девять, мы переехали сюда весной. А летом мне исполнилось десять.

— Ух ты! Пожалуй, тебе стоит как-нибудь все об этом рассказать. Позволь представить тебе нашего Рауно Форсмана.

Молодой мужчина забавного вида, примерно тридцати лет, протянул Анне руку и поздоровался. В его голубых глазах мелькнуло любопытство.

— Доброе утро, добро пожаловать к нам на огонек.

— Доброе! Рада знакомству, — ответила Анна, чувствуя, как в животе у нее перестают трепыхаться бабочки и отпускает сковывавшее ее напряжение. Эти люди пришли ей по душе, особенно Сари.

Третий сидевший за столом не поднялся. Только Вирккунен начал поворачиваться к нему с раздраженным выражением лица, как тот открыл рот.

— День добрый, — бросил он куда-то в сторону Анны и тут же повернулся к Вирккунену. — Прошлой ночью в экстренную службу поступил звонок. Кто-то из этих понаехавших, извините, новых финнов или как их нынче полагается называть, позвонил в панике и сообщил, что его убивают. Так что не пора ли нам за работу?

Вирккунен кашлянул.

— Эско Ниemi, — сказал он Анне, — твой напарник.

Изнутри обвисших, разрисованных куперозом щек напарника послышалось невнятное фырканье. Анна подумала, что у него, наверное, насморк, и поздоровалась. Эско встал и протянул ей руку. Ладонь была большой и шершавой — легко было вообразить, как такой рукой сминают преступников и четким движением швыряют за решетку, — но оказалась вдруг неприятно вялой. Анна терпеть не могла таких рукопожатий. Они не внушали доверия. Еще Эско не желал смотреть в глаза. Тут Вирккунен предложил выпить кофе, и народ потянулся к столику, от которого поднимался соблазнительный аромат. Витавшая в воздухе напряженность спала, и Анну окружила приятная болтовня. Свежая, еще теплая плюшка пришла ей по вкусу.

Когда они выпили кофе и съели булки, Вирккунен попросил Эско доложить о событиях прошлой ночи.

— Девушка назвала свой домашний адрес — это в районе Раяпуру. Патруль выехал туда под утро, но ее не оказалось дома. На месте были ее отец, мать, двое младших сестер, все, кроме звонившей. Семейство, — кстати, это курды, — подняло такой ахлям-сахлям, что разбудило весь дом, — продолжил Эско. — Отец девушки сказал, что она гостит у родственников в Вантаа. Здесь написано, что с полицией общался он. Так, их четырнадцатилетний сын... Да как же их имена упомнишь, — пробормотал Эско и начал рыться в бумагах на столе, ища имя. — Вот, Мехван. Так вот, этот четырнадцатилетний

Мехван был за переводчика.

— Почему не взяли настоящего переводчика? — спросила Анна. — Детей нельзя брать на перевод, тут ведь серьезное дело.

— Разумеется, мы его пригласили, только вот наш дежурный переводчик был занят в больнице, а до другого мы в этой суматохе не дозвонились. Да и платить двум переводчикам — за сверхурочную работу — крайне неблагоразумное расходование бюджетных средств. Патруль получил приказ разобраться в ситуации, насколько возможно. Так они и поступили. Когда цейтнот, важна каждая секунда. Парни сделали все в точности, как им было приказано.

— Как в Боснии, — прошептала Анна.

— Что? — спросил Эско.

Он наконец-то посмотрел на нее воспаленными красными глазами. Анна постаралась не отвести взгляда. Ее уже тошнило от этого мужика, хотя они были знакомы всего несколько минут.

— Ничего. Я ничего не сказала.

И опустила глаза.

Лицо Эско выразило удовлетворение. Он налил себе кофе.

— Так или иначе, в квартире все выглядело вполне прилично, — продолжил Рауно примирительным тоном. — Никто из членов семьи не знал, во что дочь вляпалась и почему. Коллеги из Вантаа выехали на место. Девушку, — так, ее зовут, секундочку... Бихар, — обнаружили в полном здравии там, где, по словам родителей, она и находилась. Либо она видела кошмарный сон, либо позвонила спросонья — разницы нет. Говорят, она лунатик. Разговаривает во сне, а потом ничего не помнит.

— Очень подозрительно, — сказала Анна.

— Согласна, — сказала Сари.

— Чего подозрительного, если девушка признается, что позвонила по ошибке? — сказал Эско.

— Кто по ошибке звонит в экстренную службу? — спросила Сари.

— Да вашу мать, туда звонят даже тогда, когда теряют ключи от дома или когда у любимой пуделицы вдруг начинается течка, — вспыхнул Эско.

— Это другое. Речь идет о звонке по ошибке, — сказала Сари.

— А сколько лет этой Бихар? — спросила Анна.

— Семнадцать, — ответил Рауно.

— Семнадцатилетняя девушка-курдка звонит в экстренную службу и сообщает, что ее хотят убить. Мне это кажется реальным кошмаром, — сказала Анна.

— Надо выяснить, как ее одну отпустили в Вантаа, — добавила Сари.

Эско промолчал.

— Предлагаю прослушать запись звонка, — сказал Вирккунен. — Ну-ка, Эско, включи.

Сначала слышался треск, затем деловитый голос дежурного, потом тишина и шепот девушки:

— Они убьют меня. Помогите. Мой отец убьет меня.

Дежурный просит повторить.

Девушка молчит.

Дежурный справляется насчет ее местонахождения. Девушка называет свой домашний

адрес и отключает телефон.

— Она напугана, — сказала Анна.

— Безусловно, — согласилась Сари. — Боится до смерти, что кто-то услышит.

— Почему тогда она не сказала, где находится? — спросил Рауно.

— Может, не знала? — предположила Сари.

— Может, она хотела навести полицию на настоящее осиное гнездо, — сказал Рауно.

— Вероятно, она не знала, по какому адресу находится, а домашний адрес был единственным, который она могла назвать точно, плюс она торопилась и явно боялась, — сказала Анна.

— Может, она просто хотела навлечь неприятности на голову своего папашки, — пробурчал Эско.

— Мать расспросили? — спросила Анна.

— Попытались. В отчете зафиксировано, что на все вопросы отвечал только отец. И Мехван, — сказал Рауно.

— Разумеется.

— Какие у нас планы в связи со всем этим?

— Начинайте заниматься этим делом. Учтите, что модное нынче определение «насилие на почве чести» незнакомо финляндскому законодательству, но тут может речь идти о противозаконных угрозах или даже лишении свободы. Сегодня у нас понедельник, девушка находится в Вантаа. Разве в этом возрасте не ходят в школу? — спросил Вирккунен.

Сидевший на стуле Эско громко зевнул и со скучающим видом ушел в телефон.

— Если не ошибаюсь, закон об обязательном образовании распространяется на всех лиц до семнадцати лет, — произнес он.

— Ты, Эско, за сегодня разберешься со всеми формальностями касательно вызовов на допрос, — приказал Вирккунен.

— Хм... — промычал Эско и равнодушно вытер крошки со рта.

— Бихар, ее отца, мать, брата и младшую сестру — всю семью сюда, и чем раньше, тем лучше. Предоставь им переводчика, даже двух, если потребуется. Рауно и Сари, узнайте все насчет их родственников в Вантаа, обратитесь за помощью к коллегам. Анна, а ты могла бы выяснить, какого рода меры принимались в подобных ситуациях ранее.

— О'кей, — ответила Анна.

— У меня плохое предчувствие, почему-то кошки на душе скребут, — сказала Сари.

Тут в дверь постучали. В кабинет заглянула женщина и кивнула в знак приветствия.

— В деревне Салойнен на беговой дорожке обнаружено тело, — сообщила она.

Повисло молчание, всех словно пригвоздило к месту. Сари и Рауно смотрели друг на друга в полном потрясении. Кофейная чашка Эско зависла где-то между его ртом и столом. Тишину прервал голос Вирккунена:

— Вот тебе и спокойное начало трудовой жизни, Анна, — сказал он.

Анна Фекете приняховалась. Дождь усиливал запахи медленно гниющей подстилки из листвы и мокрых опилок на беговой дорожке. Мхи и лишайники только приступали к своему пиру длиной в осень, поэтому в воздухе еще царила свежесть. Ветер шуршал в малорослом ивняке, выворачивая листья, подставляя их упругие спины под морозящий дождь.

До Салойнена от города было километров двадцать по оживленной трассе на юг. Не доезжая до центра, Анна свернула на грунтовку, ведущую к берегу, провихляла несколько километров через перелесок и мимо запущенных полей и оказалась на небольшой заросшей парковке, по краю которой уютно расположилось целое семейство маслят. Перед ними стояли сине-белый полицейский «Сааб», «Фиат Уно» и еще одна машина, без опознавательных знаков, на которой прибыл Эско. Рядом переминались патрульные полицейские в желтых, как «Фиат», жилетах.

Глядя из-за оградительной ленты на начинающуюся за ней беговую дорожку, Анна поймала себя на мысли, что у нее сегодня должна быть интервальная тренировка. Дорожка терялась в лесу, желтая лента тоже. Полицейские сообщили, что примерно в двухстах метрах отсюда лежит труп, но его не видно из-за плотно растущих деревьев.

Тело обнаружила около девяти часов утра проживающая поблизости Ауне Тойвола. Вдова. Возраст — восемьдесят шесть лет. Она обычно встает в семь, варит полный кофейник, половину выпивает до своей ежеутренней прогулки, половину — после. Этим утром она, как обычно, пошла по дорожке вдоль берега. При Ауне был телефон, приобретенный заботливыми родственниками, с него-то она и вызвала полицию.

Эско Ниemi уехал с участка один, что донельзя раздосадовало Анну; ей не слишком хотелось быть с ним вдвоем даже недолгое время, но тем не менее. Пришлось ехать на своей. Выйдя из машины, Анна со всеми поздоровалась и пошла к патрульной, где уже сидели Эско и Ауне. Другие полицейские переговаривались, ожидая разрешения отправиться по домам. Анна сразу же отметила взгляд одного из них — того, кто был помоложе и посимпатичней. Как только Анна появилась на месте, он сразу же начал щупать ее глазами, а наклонившись к старушке, она почувствовала, что он уставился на ее задницу.

На морщинистом лице Ауне читалась досада. Анна не успела представиться.

— Я уже обо всем рассказала этим приятным молодым людям, — сухо сказала Ауне. — И вообще, я хочу домой. Кофе стынет. И голова идет кругом. Медсестра должна вот-вот наведаться, а меня нет — испугается еще.

Женщина выглядела уставшей, все-таки для пожилого человека режим — прежде всего. Сидевший на переднем сиденье Эско улыбнулся.

— Мы с Ауне уже все обсудили. Все здесь, — произнес он, постучав по своей тетрадке в синей клеенчатой обложке.

«Это вряд ли, — подумала Анна, — ты приехал всего на десять минут раньше меня».

— Позвольте, я задам вам несколько вопросов, — сказала Анна, глядя на Эско, — а потом вы сможете отправиться домой. Это не займет много времени.

Ауне рассерженно поджала губы, но ничего не ответила. Эско перестал улыбаться.

— Вы здесь живете?

— Меньше километра отсюда на улице Селькьямаantie, в пятьдесят пятом доме. Та же грунтовка, по которой вы приехали, — сказала она кисло, махнув сухонькой рукой в сторону

дороги.

— Вы видели движение на дороге? Кто-то, может, ехал сюда или обратно?

— Ничего я не видела. У меня домик стоит немного в стороне. И я не шпионка, чтобы вы знали, так что ничего не видела, ничего не знаю.

— Может, слышали что-то?

— Что?! — спросила Ауне, повысив голос — почти до рези в ушах — и приставив ладонь к уху.

— Слышали ли что-то необычное сегодня утром? Вчера вечером? Ночью? Звуки двигателя? Выстрелы?

Тут Анна заметила, что Ауне поправляет тонкими пальцами улитку слухового аппарата.

— Нет, ничего не слышала. Вечером я смотрела телевизор. Я его почти на полную громкость включаю.

— Скажите, вам раньше приходилось встречать обнаруженного вами человека?

— Здесь по утрам никогда никого нет. Вечерами иногда бывают люди, но об этом я ничего не знаю. Я тут по вечерам не бываю. Можно, я пойду? Вдруг медсестра испугается, позвонит моему сыну.

— Еще два вопроса. Здесь поблизости еще кто-нибудь живет?

— Только Юки Раапана. Знаете, ваш коллега об этом уже спрашивал.

— А что насчет машины: вы ее видели здесь раньше?

— Не могу сказать. Машины здесь часто проезжают. Уж конечно, здесь бываю не только я — дорожка освещается, — как иначе-то? — ответила Ауне.

— Спасибо. Можете идти домой, но на днях мы придем побеседовать с вами повторно. Если вам не по себе или вы хотите поговорить с кем-нибудь о случившемся, то в церковной общине есть подготовленный персонал. Вот их контактные данные.

— Мне бы домой. Попью кофе, и все образуется, — пробормотала старушка. — Все это ерунда по сравнению с тем, чего я по молодости насмотрелась — в войну, на Карельском перешейке. Вот там все было по-настоящему: здоровенные мужики лежали на носилках, кричали и стонали: у кого ноги оторваны, у кого голова вся в осколках от гранаты — и боль тебе, и слезы.

— Советую об этом тоже поговорить, может, станет легче, — вежливо сказала Анна и попросила полицейских проводить женщину домой. — Да, и позвони заодно в церковную общину, — сказала она, подмигнув, тому, который был помоложе и посимпатичней. Тот выглядел ошеломленным.

«Может быть, все-таки стоило остаться в отделе патрулирования», — подумала Анна, глядя, как Эско Ниemi выбирается из машины.

Возраст — старше средних лет. Внешний вид вызывает брезгливую жалость. Поредевшие волосы давно не мыты и торчат в разные стороны. Мятая рубашка кое-как заправлена в невыглаженные брюки, ее пуговицы вызывающей ухмылкой разошлись на волосатом брюхе. Видавший виды пиджак... Нет, внешний вид Эско Ниemi был полностью лишен достоинства и шарма, которые обычно приписывают стареющим мужчинам. Это женщины скукоживаются сразу после сорока, а мужчинам возраст только на пользу: такое Анне приходилось слышать неоднократно, но она никак не могла понять, отчего люди, в основном женщины, свято верят в такой вот ментальный понос.

Выкарабкавшись, Эско какое-то время выпрямлял затекшую спину, а потом зашелся в

диком кашле. Затем закурил.

«Как с таким можно работать?» — подумала Анна, чувствуя неуверенность.

Прикрыв сигарету от дождя ладонью, Эско отхаркнул себе под ноги густую зеленую слизь.

«Bassza meg^[4], вот свинья».

— Пойду-ка я проведу следственный осмотр, — заявил Эско.

— Отлично, пойдем вместе, — сказала Анна.

— Нет, ты останешься в машине. Будешь ждать криминалистов, отправишь их к месту происшествия, когда появятся. Ты сумеешь объясниться с ними по-фински?

— Эско, я, конечно...

— Когда это мы решили звать друг друга по имени? И вообще, это приказ. Погляди-ка на досуге, на кого записана машина. И не суйся, куда не следует.

Сказав это, Эско бросил Анне ключ зажигания, уронил бычок в свой плевок и затушил его каблуком. Анну чуть не вырвало.

— Патрульные обыскали мертвяка на предмет ID-карты — то есть удостоверения личности. Не нашли, зато были обнаружены ключи. Ты уж постарайся здесь не натопать, — сказал он Анне, словно ребенку, приподнял желтую ленту, кряхтя, пролез под ней и медленно направился через ивняк к беговой дорожке. Анна осталась стоять на месте. Она смотрела на спину удаляющегося Эско и знала, что уже всеми фибрами ненавидит этого хмыря. Она сжала кулаки и подавила крик. Острая боковина ключа зажигания выдавила на ее ладони глубокую красную линию.

Анна перевела взгляд на одиноко стоящий «Фиат». «Ты сейчас же успокоишься и сделаешь все, как полагается», — приказала она себе. Брошенный и уже остывший автомобиль выглядел как предвестье того ужаса, который ожидал чуть дальше, в лесу. Анна надела резиновые перчатки и осторожно попробовала открыть дверь «Фиата». Холодный металл вселил в нее уверенность. Это Анна умеет, это ей знакомо. Когда она работала в патрульной службе, ей иногда приходилось проводить осмотр автомобилей, обнаруженных где-нибудь на обочине с еще теплым двигателем и сморщенной в лепешку мордой. Сколько же раз ей приходилось допрашивать сбежавших с места происшествия пьяных водителей и наркоманов, описывать краденое имущество, найденное в багажнике. В ее прошлой жизни автомобили были самыми частыми объектами расследований.

На этот раз Анна не будет производить никаких действий, вместо нее придут криминалисты и прочешут каждый миллиметр автомобиля, и, если там что-нибудь есть, то они это точно выявят. Анна должна найти что-то совершенно иное.

Дверь закрыта. Анна нажала на брелоке сигнализации кнопку со стертым изображением открытого висячего замка. Из «Фиата» послышался сухой щелчок. Она открыла переднюю пассажирскую дверь. Первое впечатление — внутри полный порядок. Темно-серые чехлы сидений без единого пятнышка, на полу ни песка, ни мусора. В этой машине детей не возили. И пьянчуг тоже. Анна сдержала желание сесть в «Фиат», послушать, что он хочет ей рассказать; открыла перчаточницу и достала свидетельство о регистрации.

Владелец машины — Юхани Раутио. Адрес: улица Ваахтераполку, 17, Салойнен.

Человек, живущий поблизости. Совсем рядом. От волнения у Анны сжало грудь.

Нехотя она вернулась к своей машине. Так хотелось пойти посмотреть, что там произошло на дорожке.

Анна очнулась от стука в окошко — вернулся Эско. Опять сосет сигарету. Помахал, чтобы Анна вышла из машины. Холодно. В намокшей от дождя одежде было еще холоднее.

— Криминалисты скоро придут. Я еще судмедэксперта пригласил. Теперь можешь пойти посмотреть.

— Что?

— Иди, посмотри, что там да как, только без глупостей.

Анне вдруг захотелось отказаться, дерзко ответить, что она ни за что туда не пойдет, повести себя как ребенок, которым Эско ее считает. Но если она не согласится, то этот мужик точно ничего не потеряет, зато ее дерзость пойдет ей же во вред. Она должна собственными глазами увидеть жертву, чтобы принять участие в расследовании. Ее бесило довольное выражение лица Эско, но Анна сдержалась, решив, что вести эту игру по его правилам она не будет.

Желтая оградительная лента трепыхалась на ветру, словно обозначая маршрут для бегунов.

Анна пошла по тропинке. Ладони вспотели. Сердце стучало. Первые сто метров дорожки плавно заворачивали в лес, далее начиналась прямая, в конце которой виднелось нечто похожее на лежащего в странной позе человека. «Ты не добежала до финиша», — промелькнуло в ее мозгу. И в это мгновение Анна вдруг ощутила, как силы покидают ее, как закружилась голова, как стало зябко от дождя и ветра.

Она натянула перчатки и приступила к осмотру трупа. Женщина, белая, рост — 165 см, вес — чуть более 70 кг. Убита выстрелом в упор из ружья. Смерть наступила мгновенно. Голова и шея разворочены. Труп пролежал некоторое время. Тело мокрое, остыло за ночь. Налицо признаки трупного окоченения. Как будто натуралистическая инсталляция: беговая дорожка, окоченевшее и совершенно неповрежденное тело, только голова превращена в омерзительную полужидкую массу. Анну выворачивало от вида той размочаленной части трупа, где еще вчера было лицо.

Тренировочные штаны цвета лайм, темные от дождя, ноги под ними целы, но смотреть на них неприятно — смерть придала им нелепое положение. Руки ухоженные, как у любой отправившейся на пробежку юной особы. Чуть обгрызенные ногти покрыты лаком сливового цвета.

Верхняя часть тела выглядит совсем иначе. Граница размыта. Беговой костюм забрызган темным, красные ошметки налипли на мокрую ткань. В области груди и плеч ткань была уже не зеленой, ее расцвели пятна ржавого и красного оттенков. К счастью, дождь и тут размыл самые сильные контрасты. Наконец, голова. Собственно, ее больше не было — сплошные брызги на опилках. Присмотревшись, можно было увидеть в кровавом месиве клочья мозгов. Месиво. Это неприятное слово напомнило ей о детском питании и геркулесовой каше, но оно очень подходило. Мозги просто вывалились из черепа, превратившись именно в месиво.

Нет сомнений, что это молодая женщина, максимум тридцати лет, но, скорее всего, гораздо моложе, если судить по гладкой тыльной стороне ладони, нежной припухлости подушечек пальцев и какому-то странному ощущению, которое сложно выразить словами. Тело источало молодость и страсть к жизни, и даже смерть не смогла их уничтожить. Анна рассматривала неопрятные края ногтей и спрашивала про себя: «Что тебя беспокоило? Или ты такая юная, что еще не позабыла дурных детских привычек? Сколько вообще тебе лет?

Тренировочный костюм выглядит вполне себе модным, но явно из супермаркета. Возможно, ты только что начала тренироваться. По кроссовкам можно сделать вывод, что девушка занималась именно бегом: не самые дорогие, но специальные беговые, брендовые, с системой амортизации. Любитель воскресных прогулок таких покупать не будет. Значит, ты из не совсем начинающих, уже подседа на спорт. Какая вообще разница, прогулка или пробежка, начинающий или марафонец. Вот ты лежишь здесь и больше никогда не сделаешь ни одного шага».

Чувствуя, что ее начинает поглощать депрессия, Анна осторожно потрогала открывшуюся, словно маленькая сцена, кожу убитой между задравшейся штаниной и резинкой теннисного носка. Загорелая, гладкая и холодная — никакого намека на колкую щетину, даже если погладить. «Ты побрила ноги перед пробежкой? Зачем? Я вот делаю это только после возвращения с пробежки, уже под душем». Анна записала это наблюдение в блокнот.

Она знала, что патрульные уже осмотрели карманы жертвы, то же самое сделал Эско и сделают криминалисты. Анне тоже захотелось узнать, что убитая носила с собой. Она аккуратно открыла застёжки: ключи от дверей, мокрые носовые платки, подвеска на тонком кожаном ремешке — эдакая бляха с выгравированной странной фигуркой, одетой в украшения из перьев, — мобильник с парой палочек зарядки аккумулятора.

Анна обернулась — никто не приближается — и быстро просмотрела звонки и сообщения. Последний исходящий: 21.08, в 11:15, абонент — «мама». Последний входящий: 21.08, 18:27, абонент — «номер неизвестен». Принятые сообщения — пусто. Отправленные сообщения — пусто. У Анны похолодело в груди: «Кто позвонил тебе вчера вечером? Почему удалены все сообщения?»

Она принялась рассматривать землю вокруг тела. Брызги разлетелись довольно далеко: возле тела рисунок был четкий, а дальше все превращалось в полуразмытую дождем ржаво-коричневую кашу на опилках. Да уж, криминалистам придется поработать. Получится ли обнаружить хоть какие-нибудь следы убийцы? Слюну? Волос? Нитку? Невооруженным глазом в опилках не видно никаких специфических следов. Анна посмотрела на небо, слизала с губ капли воды. «Ты смываешь все улики, смываешь все следы, — прошептала она дождю, затем ее взгляд прошелся по стоящему незыблемой стеной лесу. — В своей бессловесности ты видишь все, но молчишь обо всем».

— Какой идиот пойдет убивать из дробовика?! — сказала Анна, вернувшись на парковку. Она решила продолжать общаться с Эско, разговаривать с ним, вести себя как ни в чем не бывало.

Глядя мимо Анны в сторону леса, Эско крепко затянулся сигаретным дымом, и его щеки ушли внутрь.

— Дробовик стреляет так, что уши закладывает, — продолжила Анна, изображая дружелюбие.

— Какое сегодня число? — спросил Эско.

Анна вздрогнула: он ведь со мной разговаривает.

— Двадцать второе, — ответила она.

— А какого месяца? — спросил Эско.

— У тебя Альцгеймер?

— Ты просто скажи, какой сейчас месяц, и не выживайся.

— Август, ясное дело.

— Так-так.

— Так-так? Так и что?

— Твою же мать! — воскликнул Эско, выкидывая окурок. Анна отметила, что это был уже как минимум пятый.

— Двадцатого, то есть позавчера, начался сезон охоты на уток. А знает ли наша девушка, по совместительству старший констебль, из чего стреляют по уткам?

Анна помолчала секунду и произнесла:

— Девушка знает.

— А теперь подумай, где находится эта богом забытая беговая дорожка.

— И то правда, — сказала Анна, переводя взгляд на запад. Слабый ветерок не доносил шума, но близость моря можно было определить по запаху соли, то здесь, то там растущему кривенькому вереску и такому густому ивняку, что пробраться сквозь него казалось совершенно невозможным.

— Так что лично я бы задумался о дробовике, если бы мне потребовалось убить кого-нибудь неподалеку от берега, вечером, да еще и в начале охотничьего сезона. Здесь никто ничего не заподозрит, хоть из пушек пали.

Едва Эско закончил фразу, как в стороне моря прозвучало три выстрела подряд.

— Мимо. Если с первых двух не попадаешь, то с третьего точно не попасть. Вся эта полуавтоматика — блажь, и только, — сказал он.

— Ты тоже охотник? — спросила Анна. — У нас, то есть там, откуда я родом, это довольно элитная забава.

Эско промолчал, только злобно осклабился в направлении желтой машины на парковке с мозаикой осыпавшегося с деревьев сора на ветровом стекле.

— Прошлой ночью дождь был куда сильнее, — уверенно произнес он.

— Вчера лило весь день. Вечером поднялся ветер.

— Что за идиот отправится в такую погоду на пробежку? — спросил он и закурил.

— Уж точно не ты, — сказала Анна, но тихо, чтобы Эско не услышал.

Они ехали обратно друг за другом — Эско впереди. За окном проносился пейзаж позднего лета с переливами начинающейся северной осени. Когда судмедэксперты и криминалисты прибыли на место, дождевая туча вдруг решила показать, что за ней прячется голубое небо, треснула, расплзлась на ленты и унеслась прочь на радость криминалистам, приступившим к осмотру места преступления.

Выглянуло солнце, природа начала сушить свои листочки: в них не было и намека на желтизну, но ощущение приближающейся смерти уже возникло. Еще несколько недель, и лето окончательно отступит. О бабьем лете Анна уже давно перестала мечтать — ждать его в этих широтах оказалось совершенно бессмысленно. Совсем скоро леса и проплешины коттеджных районов погрузятся в объятия темноты, город будет пытаться побороть ее при помощи люминофора и неона — все застынет в ожидании спасительного снега, несущего свет. Правда, нынче снег выпадает поздно, и грань между осенью и зимой все сложнее различить в серой каше.

«Не думай об этом, — мысленно отругала себя Анна, выравнивая машину, слишком сместившуюся к правому краю обочины. Едущий по встречной полосе грузовик прогудел ей в ответ. — Светит солнце. Еще лето. Сосредоточься на дороге и не печалься о будущем».

Патологоанатом зафиксировала вероятное время наступления смерти — около десяти часов вечера накануне — и тоже подивилась позднему выходу на пробежку, да еще и в такую мерзкую погоду. Анна никак не прокомментировала, потому что для нее в этом часе не было ничего удивительного. Она сама бегала по вечерам. И плохая погода — не повод, чтобы не выйти на пробежку. Криминалисты обещали предоставить отчет в кратчайшие сроки, судмедэксперт назначил вскрытие на завтрашний день и пригласил туда Эско и Анну. Такая процедура была в диковинку, и Анну заранее трясло — выглядеть непрофессионально не хотелось, но одна мысль о морге вызывала у нее тошноту. Точнее, не о морге, а о том, что эту девушку с беговой дорожки завтра разрежут на куски, как тушу на бойне, словно ее позору нет конца, что чиновники и общество продолжают терзать ее, начав с той точки, на которой остановился убийца.

Они припарковались во дворе полицейского управления, хлопнули дверьми, вошли внутрь и поднялись на четвертый этаж — Анна по лестнице, Эско на лифте, — затем молча заперлись у себя в кабинетах, словно напарника не существовало, словно недавней трагедии не случилось.

Анна подумала: «Как это смешно. Нам нужно все обсудить. Проанализировать ситуацию. Спланировать дальнейшие действия. Послать кого-нибудь обойти дома в округе. Найти Юхани Раутио. Выяснить что-то по звонкам и ее последним действиям перед выходом на пробежку. Где и с кем она была вчера? Кто она вообще такая? Что Ауне Тойвола сообщила патрульным и Эско? А что там по курдской девочке? Кто работает и как распределены задачи? Нам с Эско нужно как минимум познакомиться поближе. Пообедать вместе. Так работать нельзя. А вдруг у меня не получится?»

Она пошла в столовую для сотрудников и съела удручающего вида обед: салат из тертой красной капусты и апельсином и переваренные спагетти с жидкой подливой из фарша —

печальные яства середины зимы, но никак не сезона сбора урожая. Горькое слабоалкогольное пиво и подсохшие булочки. Анна подумала, что со времен, когда она окончила школу, еда стала хуже, видать, теперь решили экономить и на желудках. «Найду в городе забегаловку получше».

Когда Анна относила на стойку для грязной посуды поднос, в столовую вошла оживленно беседующая компания: Эско, Сари, Рауно и старший комиссар Вирккунен. Кровь прилила к ее лицу.

— Как же так, Анна, ты, оказывается, уже здесь и поесть успела? — с досадой воскликнула Сари.

— Нам нужно обсудить случившееся, — сказала Анна, обращаясь к Эско.

— Да только что обсуждали, чего же не пришла? Все идет своим чередом, все под контролем. Займись лучше своими обязанностями, — ответил Эско, кладя на поднос приборы.

— Интересно, откуда мне знать, каковы мои обязанности, если мне никто об этом не сообщил? — ответила Анна, пытаясь сдерживаться.

— Анна, мы ждали тебя на летучку, — сказал Вирккунен.

— Я не обладаю телепатическими способностями и, если не ошибаюсь, ничего подобного себе в резюме не приписывала.

Вирккунен удивленно посмотрел на Эско.

— Эско сказал, что довел до тебя информацию о том, что мы собираемся в моем кабинете сразу по прибытии в управление.

— Ничего он до меня не доводил.

— А я говорю, что довел на обратном пути из Салойнена, — сказал Эско.

— Мы не обменялись ни словом. Кстати, у меня есть мобильник, почему никто не позвонил?

Повисла тяжелая тишина. Вирккунен чувствовал себя не в своей тарелке. Рауно и Сари вежливо отошли в сторону. Эско изучал названия блюд, написанные мелом на грифельной доске, с самодовольно-равнодушным выражением на одутловатом лице. «Выглядит как алкаш», — подумала Анна.

— Полагаю, произошло недоразумение, — сказал Вирккунен. — Мне очень жалко, что все так началось.

— Мне тоже, — ответила Анна.

Ей так и хотелось расплакаться.

— Я возьму спагетти. Единственное, что здесь с мясом, — сказал Эско.

После обеда столбик термометра уверенно перевалил за отметку в двадцать градусов. От тротуаров, улиц и крыш поднимались испарения — погода сделала полный разворот и со свистом рванула в сторону лета. В последние годы такие неожиданные сдвиги делались все привычнее.

Анна открыла окно. С потоком воздуха в комнату хлынула бензиновая гарь. Она закрыла глаза, подставила лицо солнцу и прислушалась к доносящемуся снизу автомобильному шуму.

Контора находилась в самом оживленном районе центра, неподалеку от автобусного и железнодорожного вокзалов, в окружении ресторанов, магазинов, офисов и жилых зданий. Это было уродливое и высокое здание конца шестидесятых годов.

Анна попыталась услышать в какофонии что-нибудь знакомое, что могло бы пробудить

забытое, напомнить о чем-то из детства, из юности, из прошлой жизни в этом городе, но звуки были такие, как в любом другом городе, и прошлого они не всколыхнули.

Открыв глаза, Анна подумала, что ее первый рабочий день еще не кончился, а на нее повесили дело, связанное с насилием на почве чести, убийство, совершенное с особой жестокостью, и говнюка-напарника. Нехорошо все это, но, как говорится, кто сказал, что будет легко? Она подумала об Акосе. Надо бы встретиться. Анна прижалась к окну, жмурясь от яркого солнца. Бесит все это. И очень хочется пойти покурить.

«Сколько же зла случилось прошлой ночью?! Моя задача — выяснить, кто и почему его содеял. Найти виновного и собрать доказательства. Мне за это платят зарплату, и какая разница, первый день я на службе или пятисотый, — работа есть работа, и я умею ее делать, во всяком случае, мне приходилось патрулировать улицы. Сказать что-то о нынешней еще сложно, но вряд ли есть большая разница. Сломить меня еще никаким гадам не удавалось».

Она нехотя позволила своей никотиновой страсти выпорхнуть в бензиновую гарь улицы. Нет, не стоит опять на это дело подсаживаться, максимум — одна в день и никогда — в рабочее время. Она вздохнула и закрыла окно. Городской шум остался по ту сторону стекла. В наступившей тишине слышалось только тиканье настенных часов.

Анна отвернулась от окна.

За нею стояла большая мрачная фигура.

— Úr Isten!^[5] — вскрикнула она. Испуг ядом разошелся по крови.

— Дозвонились до Юхани Раутио. Давай-ка, собирай свою помаду с тампонами, да поехали в ту деревню, где утром были, — сказал Эско.

— Что за дебильная шутка? Никогда больше так не подкрадывайся...

Но Эско уже исчез в коридоре.

— Давай уже быстрее! — прокричал он от лифта.

Юхани Раутио заканчивал деловой обед из нескольких блюд, во время которого была заключена перспективная торговая сделка, когда у него зазвонил телефон. Юхани мысленно чертыхнулся насчет своей рассеянности. Еще десять лет назад ответить на звонок в любом месте и в любое время считалось признаком успешного бизнесмена, но сегодня это говорило только о твоей неотесанности. А Юхани деревенщиной себя не считал. На переговорах с клиентами он стремился создать ощущение полной сосредоточенности, убедить их в том, что он существует только для них. Ведь даже ребенку не нравится, когда его отец или мать разговаривает по телефону, смотрит телевизор или читает газету, когда он пытается донести до них что-нибудь важное. Так что нужно демонстрировать исключительное внимание.

Юхани собирался сбросить звонок и смущенно попросить прощения у своего клиента, но, послушавшись внутреннего голоса, все же ответил. Впоследствии он счел эту ситуацию роковым доказательством существования отцовского инстинкта.

Звонили из полиции, просили прийти домой как можно скорее; его супругу Ирмели уже оповестили.

На этот раз Эско взял Анну с собой — наверное, Вирккунен смотрел из окна. По дороге они молчали. Анна подумала с горечью, что, наверное, к такому стилю работы со временем можно привыкнуть: либо мрачно молчать, либо, если уж общаться, то выкобениваться.

Ее первое впечатление о новой работе начало осыпаться, словно сухая кожа больного псориазом. Не совершила ли она самую большую ошибку в ее жизни?

Красный кирпичный дом Юхани и Ирмели Раутио находился в самом центре Салойнена, в старом коттеджном районе с большими участками и домами им под стать — один другого убожее. Высокие деревья, густые живые изгороди и пышная растительность делали район симпатичным. Почти в каждом дворе виднелись ягодные кусты и грядки, конец лета сулил небывалый урожай. Анна подумала о виде с ее балкона, попыталась вспомнить, есть ли у соседей хоть какие-нибудь лютики. Нет. В свое время мама засаживала горшки цветами. Анна помнила ежевесеннюю суету на балконе: мамины руки по локоть в земле, тоненькие цветочные побеги в длинных ящиках, холодный бетонный пол балкона, скрученные коврики в сторонке, ожидающие окончания посадочных работ. И гордость в маминых глазах, когда она осматривала свой балкон. Ну да, красиво, особенно под конец лета, когда цветочное море прямо-таки переливалось через перила. Переехав в свою квартиру, Анна не посадила ни одного цветочка. Сейчас она заметила, что думает об этом с удивлением.

Юхани приехал домой одновременно с Анной и Эско. Они поздоровались за руку во дворе, представились друг другу и зашли. В доме прибрано, ощущение полного спокойствия. Анна подумала, что здесь ничто не кричит о богатстве, но его видно по сдержанному, со вкусом оформленному интерьеру — либо пригласили профессионального дизайнера, либо госпожа Раутио наделена редкостным талантом. Юхани проводил их в стильную гостиную, где каждый элемент был на своем месте.

— Желтый «Фиат Пунто» принадлежит вам? — Эско перешел сразу к делу.

— Да, — взволнованно ответил Юхани.

— Регистрационный номер AKR-643?

— Да-да.

— Знаете ли вы, где может находиться ваш автомобиль в данный момент?

— Что произошло? Его угнали?

— Ответьте на вопрос, а там посмотрим, касается ли вас это, — сказал Эско ровным голосом.

— Скажите, Рийкка попала в аварию? С ней все в порядке? Ответьте же, она в порядке? — закричал Юхани.

Анна и Эско переглянулись. В этот момент щелкнул замок входной двери, и, снимая на ходу велосипедный шлем, вошла раскрасневшаяся госпожа Раутио.

— Юхани, что происходит? Почему нас вызвали домой?

От волнения голос женщины казался напряженным.

— Давайте вы оба присядете, — произнес Эско участливо, но твердо.

«А он умеет вести себя по-деловому», — подумала Анна.

— Значит, так: этот самый автомобиль обнаружен рядом с беговой дорожкой неподалеку отсюда. У нас в связи с этим имеется несколько вопросов.

— Этой машиной пользуется наша дочь Рийкка. С прошлого года, ей исполнилось восемнадцать. Покупали ее для моей жены, это наша вторая машина. Но она ей не особенно пригодилась.

— Я предпочитаю передвигаться на велосипеде, — сказала Ирмели. — Не нужно специально ходить на фитнес. Но где же Рийкка? Я, пожалуй, сейчас ей позвоню, — продолжила она, вставая с дивана.

— Значит, вашей дочери девятнадцать?

— Да.

— Она вчера заезжала домой?

— Нет, мы не видели ее уже несколько дней. Ирмели, не помнишь, когда она была здесь?

— На той неделе, заходила постирать белье, кажется, в среду. У Йере — это ее друг — стиральной машины нет. У них при доме есть прачечная, но Рийкка не очень любит ею пользоваться. — Ирмели неловко рассмеялась.

— Когда вы в последний раз созванивались?

— Она позвонила мне вчера днем. Просто так, поболтать о том о сем. Спросила только, можно ли ей взять с собой в Ювяскюля один наш старинный комод. Поступила учиться на психолога. Ей уже скоро переезжать.

— Ваша дочь делает пробежки? — спросила Анна и почувствовала, как напряглись ее плечи.

Ирмели и Юхани замолчали на секунду. Еще не произнесенное вслух вдруг вошло в их мысли.

— Да, — ответила Ирмели. — Рийкка начала бегать в июне, я купила ей кроссовки. Довольно дорогие, кстати, для студенческого бюджета. Она... Как бы сказать, ей кажется, что она полновата, тут нет ничего болезненного, в смысле анорексии или чего другого. Совершенно нормальное желание молодой женщины заботиться о своем теле, хорошо выглядеть.

Говоря это, Ирмели нервно заплетала бахрому брошенной на диван шали в косички, глядя то на Анну, то на Эско полными страха глазами. На ее лбу появилась морщина.

— Какой марки были купленные вами кроссовки? — спросила Анна.

Когда женщина назвала марку, Эско отвернулся к окну и сжал руку в кулак, да так сильно, что побелели костяшки. Анна попыталась проглотить ком в горле.

— А одежда для бега? В чем она бегают?

— Кажется, в разном. Одни штаны, помнится, адидасовские, синие в полоску, и ярко-зеленая куртка — совсем новая. К чему все эти вопросы? Говорите уже, что случилось! — взмолилась Ирмели, не в силах скрыть волнения.

Анна быстро взглянула на Эско. «Об этом, наверное, следовало договориться заранее, — подумала она. — Кто и что расскажет. Неужели теперь мне нужно рассказать все самое страшное? Что делать?»

И тогда Эско кашлянул.

— Поблизости от автомобиля, на беговой дорожке, обнаружено тело молодой женщины, — сипло произнес он.

Рауно Форсман ехал обратно в Салойнен в окружении родившегося заново летнего пейзажа. Его всегда умиляло то, как быстро город превращался в деревню, сколь тонка грань между этими двумя мирами. В детстве его родителей разница была куда разительней, и чтобы преодолеть ее, требовалась основательная подготовка. Тогда горожане считали себя людьми высшего сорта, а на селе им даже завидовали. С другой стороны, их считали туповатыми, потому что они не знали, что такое настоящий труд, и не умели ходить по лесу. Когда Рауно был маленьким, эта разница практически размылась, хотя кое-какие следы еще оставались. Нынче же всех сравнивал интернет, и жить за городом стало модно, теперь это называется дауншифтингом. Народ работает в городе, имеет домик в деревне, ежедневно ездит на службу — это окончательно стерло грань между городскими и деревенскими. Со временем традиционные поля застроились клонированными таунхаусами, некоторым эстетствующим счастливицам повезло больше: они сумели обзавестись настоящей идиллией в виде старой бревенчатой усадьбы.

Рауно объехал дома поблизости от места происшествия. Их было всего четыре: два располагались на улице Селькмяентие, в обоих жили одинокие старики — Ауне Тойвола, ее сегодня решили оставить в покое, и Юки Рааппана. Другие два — новехонькие коттеджи — были чуть дальше от беговой дорожки, к юго-востоку, в Ирьяланперя, где муниципалитет нарезал крохотные участки в надежде заполучить дауншифтеров, чтобы собирать больше налогов. Оказалось, что попасть сюда по той же дороге, что и к домам Ауне и Юки, не получается. Пришлось выехать обратно на трассу, проехать полкилометра на юг и свернуть с кольца в центре Салойнена направо. Отсюда можно было пройти по старой заросшей дороге к освещенной беговой дорожке. Стрелок вполне мог этим воспользоваться.

Рауно решил начать с Юки. Маленький домик, старый и неухоженный, но под видавшей виды краской стен и старой битумной черепицей романтик с золотыми руками мог разглядеть милую его сердцу бабушкину избушку. Во дворе росли кусты смородины, согнувшиеся под ягодами. На другом краю участка, сразу за сауной и забором, начинался лес. Рауно постучал в кривенькую входную дверь, покрытую отвисшими ошметками краски. Не прошло и мгновения, как ее открыл резвый старикашка в клетчатой рубаше и коричневых штанах на подтяжках, уставившийся на него. Изнутри пахло картофельным погребом.

— Добрый день, — поздоровался Юки и пожал руку Рауно; ладонь у него была шершавая, как наждачная бумага. — Приятно, когда в гости приходит настоящий полицейский. Ко мне мало кто заходит, так что сварю-ка я кофейку.

На всякий случай Рауно решил не отказываться, хотя кухня явно требовала санобработки. На плите из-за нагара с трудом различались конфорки, да и кофейник не блистал чистотой. Повсюду валялась грязная посуда и застарелые объедки. Юки сполоснул две чашки холодной водой. Рауно сел за стол и решил выдержать это испытание, как подобает мужчине.

Найдя собеседника, Юки постоянно отвлекался от темы и явно задерживал Рауно, но визит к нему оказался не напрасным. Несмотря на возраст, дед обладал хорошим слухом и трезвым умом. Ничего особенного он не заметил. Как и из дома Ауне, дороги из его окон видно не было, зато много чего было слышно. В десять с четвертью он отправился закрыть трубу в печке сауны и услышал, как в сторону деревни проехал автомобиль. Рауно подумал,

что это явно была не погибшая бегунья. Еще Юки слышал выстрелы до и после урчания двигателя, но они не привлекли его внимания, потому что в это время года кругом стреляют целыми днями, и будь он моложе, то вчера вечером и сам стоял бы на берегу, отстреливая гусей себе на жаркое. Но дробовика уже нет — подарил братнему внуку, как только тому исполнилось пятнадцать и он получил охотничий билет. Давно это было.

Рауно провел у Юки более часа. Три чашки наигорчайшего кофе до сих пор стояли у него в горле, а в рубашке застрял затхлый запах жилища. Он ехал на следующий объект, который в итоге не дал ему ничего, кроме ощущения неизбывной депрессии. В Ирьяланперя жили две перебравшиеся из города семьи с детьми, похожие друг на друга, как сделанные под копирку. Стройка не закончена, дворы — сплошные песочницы, заваленные игрушками и заставленные штабелями досок. Куча спиногрызов-дошколят и погрязшие в долгах родители, валяющиеся в кровать от усталости, как только удаётся уложить детей спать.

«Как и я, — подумал Рауно, — как мы все».

Ни здесь, ни там ничего не слышали, ничего не видели, и в обоих домах по этому поводу было высказано искреннее сожаление. «Конечно, вполне возможно, что кто-то прошел или даже проехал на автомобиле к тропинке, ведущей к беговой дорожке или на берег, а мы этого не заметили. Укладывание детей спать — настолько многотрудное занятие, что родители не обращают никакого внимания на происходящее за окном. С другой стороны, вполне вероятно, что мы заметили бы, если бы снаружи показались огни фар или послышался шум мотора — такое здесь большая редкость, на такое обращаешь внимание. Но если бы кто шастал на улице после того, как мы улеглись спать, то едва ли мы бы проснулись. Все возможно, сложно сказать, может да, а может и нет, мама скоро придет, погоди, папа разговаривает с дядей. В любом случае мы еще подумаем насчет вчерашнего вечера и сообщим, если чего надумаем, хотя это навряд ли». Рауно оставил в обоих домах свои визитки и, уходя, заметил, как дети незамедлительно адаптировали ее под свои игры.

«Можно было зайти в один дом», — думал Рауно, возвращаясь в город. Только утомился от всего этого шума-гама, мелких под ногами, да еще эти бегающие за ними родители — как к себе домой пришел. Может, и он выглядит таким же усталым, но потом в его голове промелькнуло, что это новое дело можно будет использовать как предлог, чтобы как-нибудь вечером свалить из дому и просто выпить где-нибудь пивка. Вернуться домой, когда дети уже уснут. И жена.

Мысль показалась ему привлекательной.

Сари Йокикокко-Пеннанен пришлось остаться в участке. После обнаружения трупа девушки Вирккунен повесил на нее расследование давешнего случая с девочкой-иммигранткой. «Тут пахнет сверхурочной работой», — подумала она, чертыхнулась и с неохотой позвонила няне; та с еще большей неохотой согласилась остаться с ее детьми еще на час, но ни минутой дольше. Муж Сари был в командировке, а ее мать отдыхала в пансионате для пенсионеров в Эстонии. Обязательно надо успеть домой вовремя. Двое маленьких детей мешали ей с головой уйти в работу, чему Сари, собственно говоря, несказанно радовалась.

Она привычно заполнила извещения о вызове на допрос, распечатала их и подписала, вложила в конверты и оставила в ящике для исходящей почты. Семья Челкин получит извещения уже завтра. Сари посмотрела на часы. Прошло полчаса. Она отправила в

полицейский участок города Вантаа просьбу в ближайшее время выйти на связь: ей хотелось лично побеседовать с патрульными, которые были в квартире дядюшки и тетушки Бихар и видели всю ситуацию своими глазами. Кроме того, стоило переговорить лично с теми полицейскими, которые ходили на вызов в квартиру, где находилась девушка. Скорее всего, Эско уже все это сделал, но всегда лучше иметь свое собственное представление о ходе вещей. Сари всегда с трудом удавалось представить себе общую картину только на основании прочтенных отчетов, что, кстати, несколько мешало ее карьере. «Моя слабость, — подумала она. — Моя маленькая слабость, но кто из нас идеален?» Она опять посмотрела на часы. Скоро будет пора уходить. Няня, какой бы находкой она ни была, занервничает, а этого хотелось бы избежать. Отказываться от находок резона нет.

Сари решила поработать дома, как только уложит детей спать; возможно, получится найти прецеденты дел о насилии на почве чести. Это понятие вроде как смутно знакомо по случайным новостям из Швеции, но не более того. Она выключила компьютер и быстро разложила бумаги по двум стопкам — необработанные и для архива. Обе подождут до утра.

«Бедная Анна, — подумала она, закрывая за собой дверь участка и направляясь к автостоянке. — Не самое приятное начало карьеры следователя». Потом она позвонила домой:

— Задержусь еще на десять минут. Давай я в пятницу отпущу тебя на полтора часа раньше?

Каково это — явиться на опознание тела собственной дочери?

Этот вопрос подступил неожиданно, когда Анна натягивала в прихожей тренировочный костюм. Поздно. Тело кажется уставшим и неловким. Мысли крутятся в голове, словно маленькие дети в машине после долгой дороги. Опять та самая ситуация: это подступает в моменты слабости, впивается ржавыми крючьями и вытаскивает на поверхность все болезненные воспоминания, которые как будто уже забыты и похоронены навсегда, но которые навечно застряли в закоулках памяти и пребывают с тобой с утра до вечера, из года в год, переезжая из одной квартиры в другую, и никак не хотят отпустить.

Анна потеряла глаза, преграждая путь слезам: среди красных точек на сетчатке она увидела ребенка, изнасилованного и искалеченного двуглавым орлом. Это могла быть она, мог быть кто угодно.

Со временем приступы делались все реже. «Панический синдром», — сказала школьная медработница, когда Анна училась в лицее, и посоветовала обратиться к врачу и принимать какие-нибудь препараты, но Анна не могла вынести и мысли о пилюлях, которые повлияли бы на ее сознание. Вместо этого она начала тренироваться для ежегодного марафона. Сейчас она даже не могла вспомнить, когда в последний раз у нее был такой приступ. Наверное, когда она разорвала отношения, длившиеся целый год, — самые долгие и самые серьезные. Он был полицейским, приятным и вполне себе разумным, одно слово — хороший человек, но у него была одна проблема: он хотел жениться и завести детей. И хотя именно Анна была стороной, пожелавшей разойтись, это ударило ее неожиданно больно. Она даже на какое-то время утратила над собой контроль. Но это тоже была давняя история.

Лежа на полу прихожей, Анна смотрела на горящую лампочку светильника, чтобы та ослепила ее и прогнала орла. Так она провела минут десять, пока не успокоилась. «Не помогает, не помогает, не помогает», — твердила она про себя. Ведь кто-то был готов убить своего ребенка, как этот Пейдар Челкин, и в этом было нечто куда более ужасное, чем просто смерть, нечто чернее черного. На секунду Анна попыталась представить себе, что могло произойти с курдской девочкой, потом с трудом поднялась, села (сил никаких не было), надела кроссовки, выбежала из подъезда на улицу и потрусилась в сторону беговой дорожки. Как всегда, как недавно Рийкка. «Маленькая победа», — подумала она.

Криминалисты и судмедэксперт закончили работать на месте происшествия, и тело девушки отвезли в отделение судебно-медицинской экспертизы. Там уже ожидали Юхани и Ирмели Раутио. Родители тут же опознали свою дочь. Анна увидела, как это их подкосило, поломало на всю жизнь. Юхани Раутио разрыдался, и Анна уже не смогла сдерживать слез. Ирмели замолчала и погрузилась в апатию: бесстрастно смотрела на свою дочь, лежащую без головы на столе морга, гладила ее руку — без слов, без слез. Анна обняла Ирмели и хотела сказать ей что-нибудь утешительное, но не сумела. Так мать и стояла — холодная и бесчувственная, как камень, в ее объятиях, и все это казалась таким знакомым, что Анне стало плохо.

Анна направилась привычным маршрутом по дворам многоэтажек в сторону небольшого леска, окружавшего жилой район, где шла дорожка, по которой она бегала, пока ее одноклассники с пивком в руках продирались от одной проблемы к другой — уходили от

старых к новым. Как же мама радовалась и гордилась тем, что Анна, несмотря на бурление подросткового возраста и социальные проблемы, не втянулась в наркотики, а целенаправленно и всерьез занялась спортом! Но сама Анна уже тогда знала, что была не лучше других.

Уходить от прошлого можно по-разному.

Анна нырнула в темные объятия деревьев. Лес был сумрачный, но ее глаза быстро привыкли к нему. Впереди извивалась светлая опилочная дорожка.

И тут ей стало страшно. Она вдруг представила, как кто-то наблюдает за ней из-за деревьев, следит за ней в оптический прицел охотничьего ружья. Из кустарника послышался хруст. Казалось, лес напрягся до невозможности, словно готовясь к выстрелу. Потом — звук приближающихся сзади шагов. Анна сбавила скорость, напряглась в ожидании нападения, обернулась через плечо: темная фигура была уже совсем рядом — невысокая, крепко сложенная женщина в черном тренировочном костюме. Она поздоровалась с Анной кивком головы, улыбнулась и пронеслась мимо.

«Volond!»^[6] — ругнула себя Анна. Ну что за идиотская мания преследования! Сейчас не время давать волю воображению! Ты бегала здесь и раньше, бегала в ноябрьской темноте, бегала подростком, не обладая никакими навыками самообороны и ничего не боясь. Бормоча это себе под нос, Анна ускорила до предела своих возможностей, пробежала пять минут с максимальной скоростью, затем сбавила темп и — еще четверть часа. С такими интервалами она бегала час, преодолевая усталость и убивая в себе страх.

Она думала: «Может, Рийкка пыталась сделать то же самое? А что, если и она боялась, почувствовала что-то за мгновение до своей гибели?»

Дома, приняв душ, она включила трек AGF «Lonely Warriors» и погрузилась в завораживающий и необъяснимый мир звуков, рожденный сочетанием компьютера и человеческого голоса. Анна лежала, вытянувшись на диване, с мокрой головой, завернувшись в полотенце, словно одинокий солдат вечером в блиндаже, все товарищи которого погибли. Она чувствовала, что одна на этом фронте, одна во всей Вселенной.

Анна вспоминала свою службу в армии. Она стала для нее своего рода пробуждением, обнаружением пути, открытием двери и закрытием ее, потому что именно в армии она поняла, что остается в Финляндии. Это было не осознанным решением, но неизбежностью.

Она смутно припоминала, как выглядел Арон, когда в последний раз уходил из дома, одетый в камуфляжную форму.

Одинокий воин.

Лучше забыть все это.

Она выключила проигрыватель и попыталась подумать о событиях прошедшего дня. Напрасно. Событий было слишком много. Такого первого рабочего дня не пожелаешь даже самому злостному врагу.

И вдруг ее осенило.

«Иди-ка ты на хер, — так следовало сказать сразу, по-дружески и без запар, честно и по-свойски. И вслед за этим: — Старший комиссар Вирккунен многовато читает на ночь горячечных шовинистических блогов». Потом нужно было небрежно усмехнуться, чтобы показать, что она, возможно, пошутила, высказалась легкомысленно, не всерьез. Хотя это было бы не так.

Вот как нужно было поступить.

Но ведь утром она так волновалась, что это ей и в голову бы не пришло. Конечно, не пришло бы. К тому же, разве она решилась бы? Своему шефу, да еще и в первый рабочий день?! Вряд ли.

Анна не знала, что ее бесит больше — то, что крепкое словцо всегда приходит в голову задним числом, или то, что она в любом случае оставила бы его при себе. Покрутившись на диване и не высушив головы, она забылась тяжелым сном.

Лето все-таки решило задержаться. Анна проснулась на диване от солнечных лучей, дотянувшихся сквозь щель между шторами до ее закрытых век. От промозглой погоды предыдущих дней не было и следа. На часах — полшестого утра. Полотенце, которым она укрывалась ночью, упало на пол, но Анне не было зябко — грело солнце. Она потянулась. Рассекавшая комнату полоса высвечивала плясавшие в воздухе пылинки. Анна хотела чувствовать желание броситься навстречу новому, сорваться с дивана и взяться за работу, но вместо этого она беспокоилась.

В историях с Рийккой и Бихар чувствовалась некая неопределенность. Они вскрывали старые раны, давным-давно покрывшиеся твердыми рубцами. Анне подумалось, что работа следователя может оказаться для нее слишком трудной: практика далека от теории, ведение следствия — совсем не то же самое, что подбирать пьянчуг на улице. И что только она себе надумала? Что пойдет дальше по жизни, переехав в этот город и в этот треклятый район? В утреннем свете это показалось ей шагом назад, и мысль об Эско ничуть не облегчила ее состояния.

Кроме того, Анна до сих пор не связалась с Акосом.

Вздыхнув, она пошла в ванную и попыталась расчесать колтуны: ее толстые густые волосы — предмет зависти финок — превращались в истинное проклятие, если только их не расчесать и позволить им высохнуть на подушке.

За утренним кофе Эско не поздоровался с Анной, хотя все остальные радостно пожелали ей доброго утра. Он угрюмо пил свой чернейший кофе и бормотал что-то Рауно, заставляя того натянуто усмехаться. Выглядел он опять неряшливо, Анне послышался запах перегара, когда Эско закашлялся.

«Да ты просто жалкий пьяница», — воодушевилась Анна и почувствовала, как внутри зажглась крохотная искорка надежды. Обиженные на жизнь горькие пьяницы не казались ей страшными, просто — отталкивающими.

Они обсудили вчерашние события. Сделали несколько предположений насчет того, кем мог быть стрелявший. Рауно предположил, что это помешавшийся охотник. Мысль казалась ужасной, но вероятной. Вирккунен приказал Анне присутствовать на вскрытии. Эско попытался возразить, потому что это вроде как было его дело, но Вирккунен обосновал свое решение таким тоном, что ни у кого не осталось сомнений, кто тут начальник. Он хотел дать Анне побольше возможностей ознакомиться со спецификой работы следователя по особо тяжким, ведь иначе профессионалом не стать, а для Эско найдутся дела поважнее. Анна хотела отказаться, сказать, что толстяк вполне может пойти вместо нее, что она еще успеет познакомиться с процедурой вскрытия, что у нее и без того выше крыши, чему учиться и удивиться на новом месте, но не смогла и рта раскрыть. Это все влияние Вирккунена. Эско не скрывал разочарования, но сидел молча.

— ...В день смерти девушка имела половой контакт, — сказала патологоанатом Линнеа Марккула. Возраст — около сорока. Вокруг нее витает любимый аромат Анны — мускус.

Сразу же после утренней летучки Анне пришлось поспешить в отделение судмедэкспертизы, находившееся в нескольких километрах от центра в подвале

университетской клиники. Линнеа уже приступила к работе в своем сверкающем синим светом и пахнущем смертью кабинете с кафельными стенами, где на стальном столе лежала мертвая Рийкка Раутио.

Анна взяла с собой фотоаппарат. Она надела белый халат и закрыла рот бумажной повязкой. Трудно дышать.

— Это объясняет ноги, — сказала Анна. Ей хотелось опустить повязку и глубоко вдохнуть.

— Что? — спросила Линнеа.

— Ноги. Волосы на ногах. Я заметила, что у нее очень гладкая кожа на ногах, как будто она только что их побрила. Это бросилось в глаза, потому что я лично всегда брею ноги после пробежки, когда моюсь в душе. Щетина начинает пробиваться через полдня, в смысле у меня. Конечно, у финок — волосы другие. Не такие неумные.

Линнеа улыбнулась и потрогала голени Рийкки.

— До сих пор ничего не чувствуется. Вопреки распространенному заблуждению, волосы после смерти не растут. Впечатление их роста объясняется сжатием кожи. Так что, по идее, сейчас щетина уже должна ощущаться. Предположу, что в день смерти она сделала эпиляцию. Возможно, воском.

— Встреча с мужчиной до пробежки, — сказала Анна и продолжила мысленно: «Или во время пробежки».

— Откуда-то эти сперматозоиды в нее заплыли. Вряд ли она сначала ходила в клинику на ЭКО, правда, мы можем поинтересоваться, — усмехнулась Линнеа.

— А вдруг это изнасилование?

— Нет никаких признаков. Ты сама видела, что ни один из предметов одежды не был сорван, брюки и все остальное было в полном порядке.

— Может, на нее надели брюки уже потом?

— В теории такое возможно, но я бы заметила. На лежащее на земле тело их не наденешь так же, как на себя. Например, нижнее белье сминается определенным образом. Да и вагина без признаков насилия.

— А остальное?

— Никаких признаков, если не считать разорванной в клочья головы.

— Этого уже достаточно.

— Точно.

Женщины молча смотрели на лежащую перед ними на столе молодую девушку. Анна фотографировала. На груди и животе появились трупные пятна.

— А это что такое? — спросила Анна, указывая на плохо различимые следы внизу левого бока над бедром.

— Старые синяки. Уже почти прошли, но сначала были довольно крупными. Я бы сказала, что им чуть меньше двух недель. Их расположение свидетельствует о падении. Когда человек падает набок, например, поскользнувшись или с велосипеда, травмируется именно эта часть бедра.

— Тогда следы должны быть и на ладонях. Разве при падении первый удар приходится не на руки?

— Как правило, да. Но она могла быть в перчатках. Или не успела выставить руки — такое часто случается, но тогда и предплечье должно иметь повреждения, а здесь ничего не видно.

Анна попыталась мысленно вернуться на две недели назад, но ничего, кроме бесконечного солнечного света и рекордной жары, вспомнить не смогла. Ясно одно: две недели назад в перчатках никто не ходил, даже ночью. Она навела зум на пятна, трижды нажала на спуск, проверила результат и сфотографировала руки.

— Готово? А теперь заглянем внутрь, — сказала Линнеа и начала вскрывать тело привычными движениями, казавшимися такими уверенными и простыми, как будто перед нею лежало не тело человека, который еще совсем недавно был живым. Достигнув внутренних органов и желудка, Линнеа начала рассказывать о том, как ужасаются люди, узнав о ее профессии, что в баре она обычно представляется просто врачом или, что еще надежнее, медсестрой: — Назовешься патологоанатомом или судмедэкспертом, и самые уверенные в себе ухажеры исчезнут, как будто их и не было, а если представишься врачом, то половина посетителей заведения сразу вообразит, что у тебя вечерний прием прямо за кружкой пива. Медсестра — тоже неплохо, многим мужчинам эта профессия кажется достаточно унижительной и поэтому привлекательной. Проблема лишь в том, что я не интересуюсь мужчинами, которые интересуются такими женщинами. Но пять лет быть матерью-одиночкой — это чересчур. Хочется мужа, — рассмеялась Линнеа, взвешивая печень. — Ну, или хотя бы мужика.

«Вряд ли с этим могут быть сложности, — подумала Анна, наблюдая за работой приятной во всех отношениях блондинки: красивая, образованная, не деревенщина и, вероятнее всего, с неплохим достатком, — проблем возникать не должно».

— Никаких отклонений, — сказала Линнеа. — Здоровая молодая женщина, не рожавшая. Съела за два часа до смерти небольшую порцию чего-то. Судя по цвету, запила апельсиновым соком. Позже я исследую содержимое желудка. Внутренние органы в порядке, кишечник в порядке, нет признаков употребления наркотиков или алкоголя. Разумеется, сделаем анализ крови, но осмелюсь предположить, что и он ничего не покажет. Легкие чистые, эта девочка даже не курила — такая вот правильная. Тут, правда, сперма, нужно провести анализ ДНК, вдруг это поможет выявить нашего мистера Икс.

Линнеа продолжила тихим голосом:

— Ее голова полностью разнесена дробью. Смерть наступила мгновенно. Направление выстрела — спереди, стрелявший находился так близко, что можно говорить о выстреле в упор. Жутко дерзко, правда?

— Согласна. Что насчет времени смерти? — спросила Анна.

— Девушку обнаружили утром около девяти часов. Я приехала на место около полудня. По моей предварительной оценке, смерть наступила накануне около десяти часов вечера, и вскрытие данный факт подтверждает. Итак, двадцать два часа, возможно, плюс-минус час, потому что ночь была холодной и шел дождь. Вообще-то странное время для пробежки, как думаешь?

— Ну да, — ответила Анна, — поздновато.

— Составишь мне в субботу компанию в баре? — спросила Линнеа, когда они снимали халаты и защитные повязки в раздевалке морга.

Анна чуть не вздрогнула. Сделала глубокий вдох.

— Я не могу, ко мне придет брат, — придумала она на ходу и почувствовала, как покраснела.

— Дети проведут выходные с отцом, так что я не собираюсь валяться дома на диване. А

знаешь, бери брата с собой. Он такой же симпатичный, как ты? У него кто-нибудь есть? Сколько ему лет?

Анна покраснела еще сильнее.

— Тридцать девять. Никого нет, кажется. И он не говорит по-фински.

— Это не беда, я владею языком тела на отлично, — ответила Линнеа, хрипло рассмеявшись.

Анна тоже попыталась рассмеяться, хотя ей хотелось сломя голову бежать на улицу, выбраться из этого подвала на солнце. Акос и доктор-патологоанатом... Одна мысль казалась катастрофой.

Анна пообедала в тайском ресторане и мысленно поклялась, что больше никогда не будет травиться в столовой полицейского управления. Наслаждаясь гармонией вкусов кокосового молока и лимонной травы во рту, она закрылась в кабинете, скинула отснятые фотографии на компьютер и переписала записи набело. Далее — подготовиться к допросу родителей Рийкки. Утром Вирккунен приказал сделать это вместе с Эско, но Анна не собиралась напоминать об этом напарнику. Она записала несколько ключевых вопросов, которые ни в коем случае нельзя было забыть, и решила, что нужно дать всему идти своим ходом. На такой ранней стадии сложно заранее определиться с конкретикой, самое главное — составить общее представление о жизни Рийкки, о круге ее друзей; это позволит двинуть расследование вперед или вширь, как поле боя вокруг одинокого солдата. «Да, помощь потребуется, — подумала она. — Серьезная заварушка».

Анне не пришлось ни напоминать, ни ехать в Салойнен одной: Эско возник на пороге ровно в четырнадцать ноль-ноль и в свойственной ему недружелюбной манере сообщил, что им пора. Всю дорогу они сидели молчком, словно набрав в рот воды.

Сдавшие за одну ночь родители Рийкки сидели с потерянным, измученным видом в гостиной. С сочувствием в покрасневших глазах Эско поставил на столик перед страдающей парой привезенный с собой термос и упаковку печенья.

— Привез вам кофе, — сказал Эско. В ответ чета Раутио благодарно кивнула.

«Умеет ведь, — подумала Анна. — Может, я сделала поспешные выводы?»

— Будьте добры, расскажите о молодом человеке, с которым общалась ваша дочь. Долго ли они встречались? — начала допрос Анна и тут же одернула себя: не больше одного вопроса за раз.

— Этого юношу зовут Йере. Йере Коски. Учится на математическом. Встречались они года три, — ответил Юхани. Его голос звучал тихо, казалось, ему трудно говорить, потому что каждое слово приносит нестерпимую боль.

— Где они познакомились?

— На вечеринке у лицеистов. Там, наверное, все и началось. Знали-то они друг друга и раньше. Йере старше Рийкки на два года, но он тоже из местных.

— Какого вы были мнения об их отношениях? — спросила Анна.

Юхани немного смутился. Ирмели смотрела на свои ноги, словно удивляясь, откуда они здесь взялись.

— Ну как могут родители относиться к отношениям своей единственной дочери. Поначалу, естественно, мы не особенно радовались, особенно зная... — Юхани кашлянул, — зная, чем он занимался. Но...

— Но какая разница, — Ирмели перебила мужа и сердито на него посмотрела. Анне

стало дурно от тона ее голоса. — Нельзя, невозможно препятствовать юной любви.

— Конечно, Йере вполне себе хороший парень, все-таки в университете учится. Рийкка казалась счастливой, так что мы приняли все как есть и радовались за нее, — сказал Юхани.

— А что такого плохого в этом Йере? — поинтересовался Эско.

— Собственно, ничего такого особенного, — Юхани вдруг смутился. — Его папаша Вейкко Коски в свое время подрабатывал разнорабочим, попивал. Сидит на пенсии по инвалидности, но ни для кого не секрет, что все дело в водке. Жена работает уборщицей в школе. Приятная женщина.

«Так вот где собака зарыта, — думала Анна. — Господа не хотели для своей дочки прачкиного сына».

— У Рийкки были отношения до Йере? — спросил Эско.

— Они так долго были вместе, — сказала Ирмели. — Она не успела завести себе других.

— Какой он, этот Йере. Расскажите все в подробностях, — сказал Эско.

— Совершенно обыкновенный юноша, ни пьяница, как его отец, ну или еще не пьяница. Любит свежий воздух, вечно где-нибудь в походе или на рыбалке, — сказал Юхани.

— Может, он и охотится? — спросил Эско.

В комнате воцарилась тишина. На лице Юхани появилось беспокойство, у Ирмели задергался угол рта: она с ужасом посмотрела на своего мужа.

— Вы же не...

— Разумеется, нет. Вы сказали, что Йере любит свежий воздух. Вопрос: охотится он или нет? — жестко повторил свой вопрос Эско.

— Охотится.

— Расскажите об этом поподробнее.

Юхани помедлил с ответом.

— Можно сказать, что он заядлый охотник. Ходит на зайцев, на тетеревов. Даже в Лапландию куропаток стрелять и Рийкку брал с собой. Любит лосиную охоту.

— Значит, у него имеется оружие, — констатировал Эско.

— Да, точнее, я бы предположил, что это так, ведь без него как-то...

— Нам нужны контактные данные этого Йере. У вас есть его телефон?

— Конечно. Мы уже вчера пытались до него дозвониться после того, как... как Рийкка... Но он не ответил.

Анна и Эско переглянулись. Эско кивнул и записал адрес и номер Йере себе в телефон.

— Ты продолжай, — сказал он Анне, — а я поеду вязать этого парня.

«Ты смотри, — подумала Анна. — Такое ощущение, что мы работаем вместе».

После его ухода в комнате воцарилось недоверие, и продолжать оказалось сложно. Юхани и Ирмели казались одновременно озабоченными и подавленными.

— Ни за что бы не подумали... — начала Ирмели.

— Думаю, вы понимаете, что нужно все проверить, — быстро ответила Анна. — Перевернуть все камни, исключить варианты, пока не останется всего один. Расскажите-ка мне еще немного о Рийкке, ну и о Йере. Какие у них были отношения?

«Так, опять три вещи сразу, — начала себя отчитывать Анна. — Никуда не годится».

Они были явно не в себе и не хотели говорить: Ирмели охватила дрожь, Юхани едва сдерживал слезы. Анна налила им кофе и решила подождать. Вскоре Юхани удалось

собраться и он произнес сдавленным от страдания голосом:

— Йере вполне себе нормальный молодой человек. Старательно учится, любит природу, как я уже сказал. Подружившись с ним, Рийкка тоже начала ходить в походы и на рыбалку, даже подумывала получить охотничий билет — так хотела ходить с ним на охоту. Откровенно говоря, мы немного удивлялись, сами никогда ничего подобного не делали, хотя дичь едим часто.

— Мы за ягодами ходим в магазин, — сказала Ирмели и натянуто улыбнулась.

— Рийкка летом получила аттестат. Круглая отличница, — сказал Юхани.

— Умница, — сказала Анна.

Юхани вытер слезу.

— Много ли у нее было друзей? — спросила Анна.

— Много, еще с садика одна и та же девичья компания. Самая близкая подруга — Вирве Сарлин. Они всю школу отходили вместе, в одном классе, как говорится, не разлей вода.

Анна записала имя.

— Долго ли ваша дочь жила с Йере? — спросила она.

— Они съехались сразу после экзаменов.

— Что вы думали на этот счет?

— Никакого смысла в этом не было, учитывая, что она подала документы в университет в Ювяскюля и поступила. На наш взгляд, два переезда в один год — это чересчур, мягко говоря. Но она же была совершеннолетней, нас больше не слушала.

— Они ссорились?

— Скорее — нет, — ответила Ирмели и вопросительно посмотрела на мужа. Тот покачал головой:

— Мне кажется, они вели себя ровно.

— А в последнее время? Заметили ли вы что-нибудь особенное?

— В Рийкке или в их отношениях?

— И в ней, и в них. И о Йере тоже подумайте.

Они опять переглянулись, словно ища ответа друг у друга в глазах.

Они выглядели неуверенными.

— Ну, мы не знаем, — начала Ирмели. — Летом Рийкка заглядывала довольно редко, в основном постирать белье. Сейчас я думаю, что, возможно, она казалась молчаливее обычного.

Юхани кивнул.

— Другое дело, что в этом особенного, — продолжила она. — Сложно сказать. Рийкка с детства была спокойной. Мне кажется, они с Йере ни разу к нам не приходили. Или как, Юхани, не помнишь?

Тот на секунду задумался.

— Вдвоем я их видел на Иванов день, а еще на день рождения моей бабушки 15 июня.

— И вы не удивились?

— Чему?

— Тому, что вместе они к вам не заходили.

— Нет, конечно! Я только сейчас об этом подумала: Йере к нам почти никогда не заходил, и мне всегда казалось, что он всякий раз под любым предлогом норовил ускользнуть. Стеснялся, что ли. Конечно, это было немного неприятно. Юхани хотел взять его себе в пару играть в гольф, но его это все не интересовало. Поэтому трудно сказать,

странно это было или нет. Трудно. Но что-то необычное мы бы заметили, правда, Юхани?

— Соглашусь. Да, все у них было хорошо. Но кто знает, как все повернулось бы, если бы Рийкка уехала в Ювяскюля. Я думаю, что тогда эти отношения сошли бы на нет.

У него дрогнул голос.

Ирмели поднялась и ушла в спальню. Вернувшись, она протянула Анне фотографию, с которой улыбалась круглощекая девушка в белой студенческой фуражке и розами в руках. Она смотрела прямо в камеру. Темно-каштановые волосы, стального цвета глаза слегка подведены, выражение лица решительное и немного замкнутое, губы красивые, полные. Милое лицо, какие обычно бывают у юных девушек, а сейчас оно уничтожено. У Анны перехватило горло.

— Переезд планировали через неделю. Транспорт заказан, все готово, — тихо произнесла Ирмели.

«Она держится, но когда ее прорвет, пиши пропало», — подумала Анна и вдруг жутко затосковала по своей матери.

Когда Анна вернулась в город, Сари позвала ее с собой в спортзал. До окончания смены оставалось всего два часа, и она охотно приняла приглашение. Одной из немногочисленных привилегий полицейской службы является возможность использовать именно столько рабочего времени в неделю на занятия спортом. Сегодня Анна решила отдохнуть от бега, но в зал сходить, тем более что иногда полезно потягать железо. Анне хотелось поближе познакомиться с Сари, та производила впечатление полной противоположности Эско: веселая, не запарная, спортивная и терпимая.

В раздевалке Анна тайком поглядывала на атлетичную фигуру Сари: высокая, мускулистая, при этом не перекачанная — словом, выглядит прекрасно. Ни за что не скажешь, что этот живот выносил, а эти груди выкормили двоих детей, ведь обычно после беременностей у женщин обвисают все места, а Сари — белая и упругая, словно богиня викингов.

— Сколько лет твоим детишкам? — спросила Анна.

Начать знакомство с разговора о детях — беспроегрышный ход, ведь люди любят поговорить о своих отпрысках, во всяком случае, пока те еще послушные милашки и беспрекословно воплощают в жизнь мечты своих родителей.

У Сари засверкали глаза.

— Три с половиной и два.

— Такие крохотули еще. Они ведь у тебя не приемные?! А то и не скажешь, что два года назад ты еще ходила беременная.

Сари рассмеялась, явно польщенная.

— Я оба раза вообще не растолстела, хотя жрала как лошадь. Наверное, у меня уникальный обмен веществ, к тому же я всегда много занималась спортом. Во время беременности минимум три раза в неделю ходила на пилатес.

— Ух ты! Девочки или мальчики?

— И то и то: Сири и Топиас.

— И как ты справляешься? В смысле дети еще маленькие и такая работа.

— Да отлично справляюсь. Стыдно говорить, но у нас няня — без этого никак. Хотя случается, что мелкие не дают ночью поспать, но я не заморачиваюсь насчет того, хватит мне сил или нет. Я сплю всякий раз, когда есть возможность. Засыпаю в любой момент и в

любом месте.

— Уже завидую. Мне бы так. А чем занимается твой муж?

— Теэму — инженер-конструктор, вечно в разъездах. К счастью, меня не ставят дежурить в ночь, и в выходные я почти всегда дома. Об этом мы договорились с Вирккуненом.

— Отпуск по уходу не брала?

— С младшим я почти год сидела в отпуске. Но сама понимаешь, работать надо, потому что кредит на жилье и все такое. Мы два года назад дом построили, да и я, честно говоря, не могла больше сидеть в четырех стенах. Одиноко, скукотища, а я не из тех, кто готов бесконечно возиться с детьми. Работа — хорошая возможность проветрить голову. Дети меньше раздражают. Хотя такого говорить нельзя.

— К счастью, сейчас уже можно. Где вы построили дом?

— На старом участке свекра в районе Савела. Тебе надо как-нибудь к нам зайти. А ты где живешь?

— В Койвухарью.

— Твою же мать!

Анна рассмеялась. Ей понравилась прямота Сари.

Они вошли в зал: суровые оштукатуренные стены, запах тестостерона, мало тренажеров, много штанг, железа и турников. «Мир мужчин», — подумала Анна, сходила за десятикилограммовыми блинами, повесила их на гриф и начала с жима лежа. Сари пошла на велосипед.

Три подхода по двенадцать раз. Грудные мышцы застонали, руки задрожали, стало трудно дышать. Кто-то помог Анне с последним жимом. Знакомый на вид мужчина в футболке без рукавов. Стальные ручищи.

— Привет, я Сами, — поздоровался он. — Виделись вчера на парковке.

— А, да, виделись, — ответила Анна, поднялась со скамьи и пошла к стойке с гантелями, Сами — за ней.

— Может, встретимся как-нибудь вечером, скажем, в пятницу? Можно сходить куда-нибудь, — без обиняков предложил Сами. Он подошел так близко, что они почти соприкоснулись. Анне стало неприятно. Она вообще не хотела ни с кем встречаться, а свиданий с полицейским уж точно не жаждала.

— Ну, не знаю, — ответила она. — Я только-только переехала, полная неразбериха. Времени особо нет.

— Мне показалось, что ты можешь быть не против, — сказал Сами.

«Menj a picsába!^[7] — подумала Анна. — Ну что за народ: стоит подмигнуть, тут же напридумывают себе всякого».

— Да я ничего такого не имела в виду, я так, — смущенно попыталась она объяснить.

— А эта твоя подружка? Тоже симпатичная девица, даже посимпатичней тебя будет, — обиженно произнес Сами и уставился на Сари.

— Мы обе заняты, — крикнула ему Сари с велотренажера.

— Не похоже, — сказал Сами сквозь зубы.

— Слышь ты, поди-ка лучше подрочи в раздевалке, — ответила Сари.

Двое полицейских в другом конце зала наблюдали за перепалкой, посмеиваясь. Анне стало смешно. Сари была великолепна. Надо же, какая решительная! Сами лишь демонстративно грохнул штангой и вышел из зала.

— Вот что за мудак, — буркнула Сари. — Другая сторона работы в преимущественно мужской области — со всех сторон на тебя пялятся и в мыслях засаживают поглубже. Но слушай, теперь твой черед обо всем рассказывать. У тебя есть семья? Откуда ты родом? Я все хочу знать, по мне — суперздорово, что к нам на работу пришла иностранка, хотя ты и не очень-то тянешь на иностранку.

Анне не слишком хотелось распространяться о себе, но она знала, что есть ряд вопросов, на которые приходится отвечать раз за разом, снова и снова. Самым распространенным из них был вопрос о том, почему она приехала в Финляндию, и он раздражал Анну больше всего. Хотя его чаще всего задавали из чистого любопытства, Анне всякий раз слышался в нем подтекст: «Достаточно ли приемлемая, с точки зрения нас, финнов, была у тебя причина приехать сюда, или же ты перебралась просто за лучшей жизнью?»

Вопрос рождал в Анне странное чувство вины, заставлял ее чувствовать себя непрошенной гостьей, хотя Анна и не видела ничего предосудительного в том, что рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. Что тут такого, это естественное стремление каждого! Почему иметь его дозволено только тем, у кого все необходимое уже есть?

— Вот ты где, — появившийся в дверях зала Эско прервал ход ее мыслей как раз в тот момент, когда Анна набрала в легкие воздуха, чтобы начать с другим снарядом. Хотя разбирательство по делу Бихар было поручено Сари, он явно обращался к Анне. Она попыталась сдержаться: не стоит лишний раз переживать из-за говнюков.

— Йере исчез, — сообщил Эско.

— Что? — в один голос воскликнули Анна и Сари.

— Йере исчез, как сквозь землю провалился. Телефон выключен, родители, друзья, хозяин квартиры — никто не знает, где пацан.

— О-ох, — выдохнула Сари.

— И не говори. Похоже, дело ясное.

— Похоже на то, — сказала Анна.

— Парень застрелил Рийкку, возможно, из ревности. Не первый случай в этой стране. Потом испугался и скрылся.

— Надо объявить его в розыск, — сказала Сари.

— Уже. Разрешение на обыск получено. Я собираюсь пойти на квартиру вон с ней, — произнес Эско, кивая в сторону Анны.

— Прямо сейчас? — спросила Анна раздосадованно. Запахло сверхурочной работой.

— Приходи в гараж через четверть часа.

— Ясно, — сказала Анна и поспешила в душ.

— Анна, погоди. Бихар и ее семья в пятницу явятся на допрос. Давай, завтра посмотрим, что я выяснила. Надо кое-что обсудить, — сказала Сари.

— Предлагаю обед и совещание в полдень.

— Годится. Увидимся.

Квартира Йере располагалась в затхлой многоэтажке семидесятых годов в так называемом расширенном центре, на улице Торикату, если пойти на запад с улицы Марианкату. Когда-то здесь стоял красивый, хорошо проветриваемый бревенчатый дом, и плесени в нем не было. Анне доводилось видеть фотографии города начала XX века. С тех пор он сильно изменился: кварталы деревянной застройки один за другим снесли с пути бетонных коробок, мостовые закатали в асфальт — и все это во имя прогресса. В самом центре еще сохранилось несколько домов в стиле модерн, источающих буржуазную элегантность, сегодня они превратились в желанный объект современных богачей, зарывающих в ремонт и расширение новоприобретенных квадратов сотни тысяч евро.

Дверь в подъезд, где жил Йере, пряталась между массивными входами в бар и секонд-хенд. Главный по дому встретил Анну и Эско внизу с ключами, поднялся с ними на грохочущем лифте, открыл дверь в квартиру и хотел было зайти, но Эско преградил ему дорогу.

— Эй, а это уже наша епархия, — сказал он, и мужчина разочарованно шагнул назад.

На коврике в передней лежала груда рекламных брошюр, счет и пара бесплатных газет — нижняя — от 21 августа. На двери Анны, над щелью для писем и газет, было написано: «Не для рекламы». Она не выносила того, что приходящая за несколько дней оказывалась заваленной макулатурой, но в полицейском расследовании даже мусор мог стать полезным вещественным доказательством.

Квартира с высокими потолками и двумя просторными комнатами, скупая меблировка, внутри темно из-за задернутых штор. Типичная холостяцкая берлога.

Они обошли квартиру, проведя первый осмотр. На первый взгляд все было вполне обычным: ботинки в ряд на полу в прихожей, куртки на своих местах, в спальне рядом с кроватью валяются футболка и пара носков, но кровать заправлена. Под диваном в гостиной нет клубков пыли. На маленьком столике стопка журналов и пустая чашка с засохшим кофейным кружком на дне. В ванной чисто. В сливе душа застрял клочок волос, но под ободком унитаза нет желтого налета и в раковине не видно пятен от зубной пасты. Кухня кажется только что прибранной. Мусор вынесен, посуда вымыта, на столе нет крошек. Металлическая поверхность мойки сверкнула чистотой, когда Анна включила свет. В холодильнике только то, что может долго храниться. Такое ощущение, что Йере не хотел оставлять после себя ничего, что могло бы начать издавать запах или заплесневеть.

«Бесит, когда приходишь домой и первым делом приходится браться за уборку», — услышала Анна в голове голос матери. Не поэтому ли она оставляла все вверх дном, уходя из дому? Собирается ли Йере вернуться? Может, он никуда и не сбегал? Анна прямо-таки жаждала столкнуться с чем-то больным и извращенным в ту же минуту, как они с Эско войдут в квартиру Йере — с чем-то, что тотчас же докажет его вину, но если что-то такое и существовало, то оно скрывалось где-то глубоко.

— Отсюда уходили без спешки, — сказала Анна.

— Хм, — буркнул Эско.

— Мусор вынесен, и все такое, — продолжила Анна.

— С мусором могли вынести то, что следовало уничтожить, — сказал Эско подчеркнуто медленно. — Ты точно понимаешь все, что я говорю?

Анна попыталась не раздражаться.

— Да. А что же Рийкка? Разве она не должна была здесь жить? А тут нет никаких следов присутствия другого человека, тем более женщины.

— Может, и они уничтожены. Вместе с Рийккой.

Эско отчетливо произнес каждое слово, с издевкой глядя на Анну.

— Ничего не поделаешь, придется начинать, — сказала Анна, сдерживаясь, и достала из кармана перчатки. — Если здесь есть что-то, что можно найти, мы это найдем.

Эско снова хмыкнул.

Они начали с гостиной. Она представляла собой продолговатую комнату с окнами на проезжую часть. Скромная мебель — бэушная, но в хорошем состоянии. Под окном — письменный стол из белого меламина, выглядит так, словно Йере забрал его из своей детской в родительском доме — на среднем ящике наклейка с черепашкой ниндзя. Старый коричневый кожаный диван — потертый, но приятный. На низкой книжной полке — телевизор и DVD-проигрыватель, несколько книг, никаких безделушек. Математика, физика, детективы Чендлера, Нессера и Ларссон. Парень как минимум разбирается в детективах. «Поваренная книга охотника», «Пособие по охоте на лося», «Азбука походника», «Вязание рыболовных мушек». Действительно, не засиживается дома. Стопка дисков с кинофильмами и музыкой — второсортные американские. Обычные для этого возраста вещи. На столе довольно новый ноутбук и дорогой калькулятор. Ящики забиты эссе с пометкой «проверено» и тетрадами в клетку, заполненными сложными формулами. Никаких дневников, писем, ничего личного. Только паспорт.

— Уж точно не за границу смылся, — сказала Анна. — Паспорт на месте.

— Подумай чуток. В Швецию можно сбежать и без паспорта.

«И то правда. Или в Норвегию», — подумала Анна, но ничего не ответила.

— Нужно у Вирккунена запросить ордер на конфискацию имущества и отнести компьютер нашим хакерам — пускай пороятся, — сказал Эско. — В этих машинах сегодня все самые интимные вещи современных людей. Не знают никаких границ, выкладывая свою частную жизнь в Сеть. У тебя тоже, небось, в «Фейсбуке» несколько сот черножопых дружков, — коротко рассмеялся Эско своей шутке.

Анна мысленно сосчитала до пяти, а потом ответила:

— Меня нет в «Фейсбуке».

— Да ты что! Значит, у нас есть что-то общее. Кто бы мог подумать.

Эско уставился на нее с неприятным выражением красноватого лица. Анна отвернулась.

— Если Йере сообщил в инернете, куда направился, то, вероятно, кто-нибудь из его дружков знает, где он сейчас, — сказала она.

— Надо же, правильно подмечено. А, видать, соображалка работает иногда.

— У меня такое ощущение, что Йере уехал не в спешке и не с бухты-барухты. Отсюда явно уходили запланированно, — продолжила Анна, не обращая внимания на тон Эско.

— Слышь, этот Йере тот еще тип. Хладнокровный. Именно поэтому женщины меньше годятся для работы в полиции, чем мужчины: вы такие эмоциональные. А вы, южанки, наверное, еще больше, чем финки.

«Иди ты на хер!» — мысленно произнесла Анна и решила, что промолчит.

Если бы речь шла об игре в поиск клада, то у двери в спальню раздавалось бы: «Горячо! Горячо!» Анна раздвинула темно-синие шторы, и резкий свет осветил просторную комнату с

белыми стенами. Из окна виднелся двор и стена дома напротив. Во дворе умещалось несколько парковочных прямоугольников и деревянные качели с двумя сиденьями друг напротив друга. Рядом торчали жалкие кусты.

Посреди комнаты стояла двуспальная кровать. «Покрывало тоже темно-синее, край явно обработан вручную. Мама? Или Рийкка? И почему это я автоматически предполагаю, что это оно пошито женщиной, — подумала она рассерженно. — Точно так же это мог сделать и сам Йере».

Эско издал свист. Он успел открыть двустворчатую дверь в гардеробную. Там не было ничего такого, что намекало бы на пребывание здесь Рийкки, но стоял закрытый по всем правилам оружейный шкаф. Анна почувствовала, как у нее участился пульс.

— Ну вот, давай-ка посмотрим, какие скелеты прячет в шкафу наш образцовый студент. Попытайся пару секунд не разевать роток, чтобы я мог сосредоточиться, — грубо сказал Эско и встал на четвереньки перед шкафом.

Прижав ухо к дверце, он начал медленно вращать диск кодового замка. Не прошло и минуты, как дверь с щелчком открылась. «Ух ты, прямо как в кино», — подумала Анна, но вслух не сказала.

В шкафу стояли карабин фирмы «Марлин» сорок пятого калибра, старое одноствольное ружье, «Байкал» 16/70 и несколько коробок с патронами.

— Одно ружья нет, — сказал Эско.

Анна не выдержала.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую дрожь, как будто этот шкаф хочет мне что-то рассказать, — ответил Эско, засунул внутрь голову, закрыл глаза и начал вслушиваться.

Анна ждала.

— Тут должно находиться помповое ружье «Ремингтон» двенадцатого калибра, — сказал он, отодвигаясь от шкафа. — А его, как ты можешь заметить, нет.

Анна ошарашенно уставилась на Эско.

— На самом деле я проверил все выданные разрешения на оружие еще до того, как мы отправились сюда. Нашел по компьютеру, это так просто. Кроме того, если барышня присмотрится внимательнее, то увидит две упаковки стальных патронов 12/70, а такие к этой берданке ни за что не подойдут. И тем более не к карабину. Старший констебль криминальной полиции должна понимать.

Анне стало стыдно. Она была зла на себя. Как она не сообразила? Проверить разрешения — это такая естественная процедура.

— Вот и будет что тебе в жопу засунуть, если ты решишь совершить каминг-аут, — сказала она.

— Крошка, да ты горяча сегодня, — ответил Эско и пошло подмигнул. На лице у него не было ни намека на улыбку.

— Пошел ты!

— Сообщи-ка в главный штаб: парнишка вооружен, — приказал Эско. — Я пока перекурю да разнюхаю, что там во дворе. Хотя нюх у меня стал ни к черту — все из-за табачища.

Анна осталась в квартире одна. Волны досады накатывали, в подмышках и на лбу выступил пот. «Я полная дура, — думала она. — Теперь этот алконавт насыдет и будет смеяться над чернозадой следовательшей, не соблюдающей самых простых вещей».

Она позвонила Вирккунену и доложила о том, что было обнаружено, точнее, о том, что отсутствовало. Не упомянула, кто проверил выданные Йере разрешения и, главное, кто не проверил. Вирккунен похвалил их с Эско за хорошую работу и добавил в объявление о розыске слова «вооружен» и «потенциально опасен».

Анна еще раз прошлась по комнатам, пытаясь уловить в их тишине хоть что-то, что могло бы дать наводку на место нахождения Йере и его ружья. Если бы эти стены согласились поделиться с ней своими секретами, то недавняя оплошность была бы исправлена. «И зачем у них есть уши, если им не дано рта?» — подумала Анна.

Вечером Анна наконец позвонила Акосу. До этого она ходила вокруг лежащего на столе телефона, пытаясь придумать себе другое занятие, много раз брала его в руку и клала обратно. Выходила на перекур. Что сказать? Как начать разговор? А потом все же собрала волю в кулак и позвонила.

Брат ответил сразу. На заднем фоне ухала музыка, раздавались шум и смех. Акос был в баре.

— Анна, *hogy vagy? Vaj van?*^[8] — Послышались треск и грохот, затем все стихло — Акос куда-то переместился, может, вышел на улицу или в туалет.

Анна глубоко вздохнула, сосчитала до трех.

— *Jól vagyok, köszööm. És te?*^[9] — спросила она.

— *Hát én is jól vagyok*^[10].

Секундное молчание. Анна собралась с духом и сказала брату:

— Я переехала неделю назад... Мы теперь с тобой почти соседи.

— *A kurva életbe*^[11]. Почему не сообщила? — почти прокричал в трубку брат.

— Знаешь, просто не успела. Вчера вышла на работу, да и вообще — такая суматоха тут: с квартирой разобраться и все такое. Я подумала, может, заглянешь ко мне в воскресенье.

— В воскресенье? Можно, почему бы и нет. В субботу в клубе будут панки играть, *The Depaved*, хочу послушать, а вот в воскресенье я совершенно свободен. Во сколько подойти?

— *Valamikor délután*^[12].

— О'кей.

— От мамы что-нибудь слышно?

— Ничего особенного.

— Я с ней общалась на той неделе, она хочет с тобой поговорить. Могли бы связаться по скайпу.

— Посмотрим.

— Она скучает по тебе.

— *A faszom*^[13], Анна, ты могла бы сообщить, что переезжаешь сюда, — сменил тему Акос.

— Как у тебя дела?

— Не особенно-то ты поддерживала связь все это время.

Анна ничего не ответила, но ощутила острый укол чувства вины. Все это было правдой. Целых десять лет она практически не общалась с братом. Они редко созванивались, а встречались и того реже. Анна не хотела. У нее не было на это сил. Но ей так и хотелось сказать: «Да и ты не особенно».

— Слушай, мне пора. Зоран с Акимом ждут. Передать им от тебя привет? Зорану будет

приятно.

— Валяй. Заходи в воскресенье.

— О'кей. Szia^[14].

— Szia.

Анна положила трубку.

Зоран. Черт подери, этого еще не хватало.

Анна вспомнила тот последний раз, когда виделась с братом. Это было несколько лет назад, зимой, в самом конце на редкость холодного февраля. Акос позвонил ей, сказал, что если она не приедет, то он помрет. Против всех своих принципов Анна отправилась к нему, выгребла из квартиры банки, отмыла пол от блевотины и принесла трясущемуся брату успокоительного и немного еды. На обратном пути она себя ненавидела и тогда подумала, что, к счастью, живет далеко.

А теперь она здесь. И расстояние между ними меньше километра.

В свое время в работе полицейского Анну привлекали динамичность и разнообразие, и в этом смысле ей не пришлось разочаровываться в профессиональном выборе. Однако она никак не могла привыкнуть к масштабу бумажной работы — сплошное сидение за рабочим столом, — являвшейся неотъемлемой ее частью. Уж если в патрульной службе все смены заканчивались писаниной, то здесь ее было куда больше! Третье утро в должности следователя убойного отдела началось с включения компьютера и ощущения того, что за ним она проведет целый день. Удивительно, но большая часть следствия ведется в четырех стенах за монитором, потому что полицейская внутренняя сеть обеспечивает доступ к самым разным данным и документам. Как же далек весь этот драйв телесериалов про полицейских, бег с пистолетом в руке по улицам от спокойной обстановки офисных помещений!

Анна подумала о том, сколько времени может пройти, пока не появятся первые результаты. Она надеялась, что Йере быстро отыщется.

Ровно в полдень в дверь постучала Сари и позвала Анну обедать. Они решили отправиться в город, в недавно открывшийся винный бар. Место оказалось приятным: в интерьере преобладали темное дерево и бархатная обивка — интимная атмосфера полумрака сохранялась даже посреди рабочего дня.

— Сюда можно заглянуть как-нибудь вечером, — сказала Сари. — Винная карта выглядит превосходно. А может, выпьем по бокалу, вот прямо сейчас? День отличный, — весело прыснула она.

— Можно, почему бы и нет. Пожалуй, вот это австралийское шардоне вполне себе ничего. Подойдет, — сказала Анна.

— Ух ты. Я же не всерьез.

— Что?

— Да я не собиралась заказывать вино. В рабочее время немного стремно. Это была шутка.

— Ах вот как, ладно, извини. Никогда мне не свыкнуться с этими финскими алкогольными привычками. Наверное, я все же так и не стала финкой. Никогда не понимала, что плохого в паре стаканчиков во время рабочего дня — утром, днем, вечером — да когда угодно!

— Ты не накатываешь, что ли?

— Бывает, когда хочется. Что-то финское во мне все же есть. Но я говорю сейчас о том, что бокальчик-другой — это как синоним беспробудной пьянки. То, как тут люди говорят об алкоголе, как он воспринимается — это такое странное, двуличное. Там, у нас, осуждается только состояние явного опьянения.

— Забавно, что ты говоришь «у нас», хотя с десяти лет живешь здесь.

— Я езжу домой пару раз в год, все отпуска провожу только там. Наверное, поэтому. Хотя чаще мне кажется, что я нахожусь где-то между — ни там, ни здесь.

Анна почувствовала, как к лицу прилила кровь. Вырвалось ведь.

— У тебя есть мужчина? — спросила Сари, поддразнивая. Анне показалось, что та не обратила никакого внимания на ее такое интимное признание.

— Нет.

— Не нашла подходящего или что?

— Не знаю. Нет, наверное.

— А там, на другой родине?

— И там нет.

Анне стало стыдно. Нахлынули воспоминания позапрошлого лета: удушающая жара, тени на берегу Тисы, почти тридцатиградусная вода, казавшаяся прохладной. Она провела дома чуть больше месяца, наслаждаясь отдыхом, как никогда раньше. Этим летом ей удалось провести дома всего неделю, и время пролетело незаметно, пока она шаталась из деревни в деревню и совершала все положенные визиты. Лишь один вечер ей удалось провести со своей подругой детства Рекой — они пили холодное пиво и смотрели, как красное солнце опускается за далекие холмы. Тут Анна поймала себя на мысли, что не знает, когда у нее следующий отпуск.

— Ты, кажется, подвисла где-то посередине, — ласково сказала Сари, но ее взгляд проник в самую глубь темных глаз Анны. — И мы закажем вино прямо сейчас, черт подери, я с тобой полностью согласна: финны как пришибленные по части алкоголя.

Они заказали по бокалу шардоне, грибной суп и жареного лосося. Также предлагались четыре салата на выбор. «Отлично, — радовалась Анна, — больше никаких столовок полицейского управления и уж тем более — боже упаси! — трансжиров, наспех поглощаемых патрульными в сосисочных и на заправочных станциях». Наконец-то в ее жизни начался этап, когда можно есть здоровую еду.

— По семье Челкин мне пока не удалось выяснить ничего особенного. Ничего важного, во всяком случае. Никто из них нигде не стоит на учете, кроме как в миграционной службе, но это вполне нормально. Из заболеваний в медицинской карточке только простуды. Значит, если Бихар когда-либо и подвергалась насилию, то лечили ее точно не в поликлинике, — сказала Сари.

— А школа?

— Девушка учится в лицее в центре города. Элитная школа, надо сказать. Сестренки ее пока еще в начальной школе, в Раяпуро.

— Так, лицей — это хороший знак. Обычно девочки из консервативных семей учатся на медсестер или чему-нибудь подобному, если им вообще разрешают получать образование.

— Куратор сообщила, что Бихар у себя — лучшая из лучших. Она якобы не замечала в ее поведении ничего особенного, разве что та ведет себя настороженно, ее не назвать экстравертом или суперобщительной. Куратор посчитала, что эта особенность обусловлена культурным бэкграундом.

— Все может стать. Во многих культурах девочек стремятся воспитывать такими правильными тихонями, закрытыми в себе. Круг друзей?

— Куратор сказала, что у девушки в школе есть друзья, хотя и немного.

— Бойфренд?

— Не ясно, но у Бихар имеются пропуски. Кроме того, год назад она ездила в Турцию.

— Надолго?

— На пару недель.

— Мда, сложно что-либо сказать. Наверное, у них тоже есть право ездить к родственникам.

— А что, если она чувствовала, что ей нужно отсюда бежать?

— Но...

— А вдруг ее возили на смотрины?

— Это нужно у ее родителей спросить, хотя они не расскажут. Давно семья живет в Финляндии?

— Десять лет. Бихар училась в первом классе, когда они переехали. Турецкие курды, перебрались как беженцы. Сейчас у всех финское гражданство.

— А родители?

— Отец — Пейдар Челкин, сорок четыре года, электрик по профессии, не работал ни дня за десять лет.

— Ясное дело, — усмехнулась Анна.

— Мать — Зера, ей всего тридцать четыре. Ты только подумай, она родила Бихар в семнадцать лет. Без профессии. Младшая дочь Адан родилась вскоре после того, как семья переехала в Финляндию. А сын Мехван учится в восьмом классе.

— Скажи, ты наводила справки по школе Раяпуру?

— Нет, а надо?

— Найди кого-нибудь из старых учителей Бихар. Классные руководители на удивление много знают о семьях своих учеников.

Телефон в сумке Анны издал сигнал. Пришло сообщение от Рауно: «Эско просил передать, что подруга Рийкки — Вирве Сарлин — явится завтра на допрос».

— Вот что с ним, а? — спросила Анна.

— Такой вот он иногда немного жлоб.

— Немного? По-моему, очень даже много. И всегда такой.

— Не обращай внимания.

— Он что же, сам не может послать мне сообщение?

— Брось, правда, не стоит обращать внимания, — сказала Сари.

— Значит ли это, что если я хочу послать ему сообщение, то должна послать его через Рауно? Но ведь Рауно не может быть посредником между нами!

— Может. Поначалу, во всяком случае. Ничего, Эско успокоится.

— Он ненавидит меня.

— Не ненавидит. Просто Эско — это закосневший в своих догмах консерватор. Нужно дать ему немного времени переварить тот факт, что его напарником вдруг стала молодая женщина, да еще и не уроженка Финляндии. Он дальше Швеции никогда в жизни не ездил. Поверь, когда познакомишься с Эско поближе, увидишь, что он нормальный мужик.

— Не сомневаюсь.

— Точно тебе говорю. И хотя Вирккунен балует Эско, он все же старается держать его в узде. Если что-нибудь случится, жалуйся шефу.

— Что значит «балует»?!

— Не знаю. Какая-то давняя история. У нас у всех с Эско случаются стычки, но вот он такой, какой есть, не стоит принимать это слишком близко к сердцу.

Анна пожала плечами, допила вино.

— Значит, завтра у нас Вирве Сарлин. Родители Рийкки сказали, что она была самой близкой подругой их дочери, — сказала Анна.

— Вот и отлично, кто знает, что еще выяснится.

— Будем надеяться. Во всяком случае, это позволит пролить немного света на загадочную личность по имени Рийкка Раутио.

— А в пятницу семейка Челкин.

— Как тут не работаешься!

— Хорошее у тебя начало на криминальном поприще: из огня, да в полымя. Я первые три года занималась исключительно кражами велосипедов.

— Можно позавидовать, — сказала Анна.

* * *

Хорошо помню день, когда мы приехали в Финляндию: отец, мать, Мехван и я. Адан тогда уже сидела у мамы в животе, но заметно не было, и я не знала. Помню, как они волновались, как мама больно сжимала мою руку, когда они говорили в аэропорту, что мы беженцы. Откуда мне было знать такие слова, но родители знали. Курдов давно кидают по миру, так что они знают. А многие не знают. Они думают, что их возьмут на работу сразу из зала выдачи багажа — достаточно там оказаться. Ан нет, обломитесь!

Я спорала со стыда, мне-то хотелось чувствовать себя там как все, то есть лениво тянуть чемодан, покупать кружки с муми-троллями, прихватки с макаками и шоколад, а еще поглядывать, когда объявят рейс. Короче, ехать в отпуск. И я представила, как это — ехать в отпуск.

Нас отвели в какую-то похожую на офис комнату и сказали ждать. Мы ждали так долго, что я чуть не описалась. Наконец туда пришли две светловолосые женщины в полицейской форме и темнокожий мужчина в штатском. Отца и мать словно пригвоздило к месту, когда они их увидели. Меня с детства учили, что надо бояться полиции, но эти хоть и были большие, устрашающе не выглядели. Они улыбались и смотрели прямо в глаза — сразу понятно, что мы уже не дома.

Мужчина разговаривал на нашем языке. Мне показалось забавным: уехать так далеко от дома, оказаться в дубаке, а тут — хоп — и тебя встречает кто-то из своих. Впрочем, я с детства знала, что все, кто только может, стараются уехать.

Мужчина переводил полицейским, что говорил отец, а отцу — что говорили полицейские. Отец рассказал о нашем кошмарном бегстве, о том, как мы шли пешком через горы, рассказывал тем же самым плавным голосом, каким он иногда вечерами, когда мы еще жили дома, вспоминал для нас с Мехваном древние легенды. Переведенные на финский, слова отца казались странными, как будто мужчина рассказывал не нашу историю, а какую-то совсем другую. А еще странно, что, хотя прошло совсем немного времени, я уже начала обо всем забывать. И вдруг наша история превратилась в сказку на чужом языке: сначала «жили-были», в конце «кто слушал — молодец», а между ними листы плохой бумаги и дешевая печать.

В конце концов мне пришлось попроситься в туалет. Самым стремным в этом было то, что сначала надо было сказать об этом переводчику, а тот передал дальше легавым. Мне словно сто раз нужно было повторить, что хочется выйти, писать, ссать, мочиться, а вдруг они подумали бы, что мне — фу! — хочется какать. Да неважно, о любого рода давлении внизу живота сообщать окружающим не положено. Мама посмотрела на меня нехорошим взглядом.

Одна из полицейских отвела меня в туалет. Она ободряюще улыбалась и вообще казалась очень милой со своей толстой светлой косой, но улыбнуться в ответ я не решилась, хотя мне стало очень приятно. А потом я долго писала. Моча громко журчала в унитазе, а мне постепенно становилось стыдно, потому что эта женщина ждала меня за дверью и все слышала. Я так волновалась, что забыла помыть руки, а женщина начала махать руками и что-то вещать. Потом я поняла, что она показывает на раковины и краны, на мыло и бумажные полотенца, и тогда я окончательно смутилась и покраснела. Вдруг она подумала, что у нас не принято умываться? Что обгаженными пальцами мы намазываем на физиономию ароматическую жижу.

Полицейские начали куда-то звонить. Переводчик сказал, что нам нужно подождать, ох-ох, будто мы не ждали уже десять часов, а потом нас переведут в лагерь и дадут комнату и каждому свою кровать. И нас на самом деле туда отвезли на темно-зеленом автобусике. Так здорово было сидеть и глазеть из окна. К тому моменту успел наступить вечер, пошел дождь, уличные огни клево отражались в

капельках на стекле.

Я изображала, будто еду на такси в дорожный отель.

Только рядом плакала мама, а отец сердился на нее из-за этого.

Вирве Сарлин оказалась небольшого роста, с сильно бледной кожей и длинными обесцвеченными волосами. От нее пахло сладковатыми ароматическими палочками. Она пришла в красных вельветовых брюках с широкими штанинами и в темно-зеленой тунике, на шее болтались цепочки и деревянные бусы, а на запястье — браслет с бубенчиками. Если она не накручивала прядку на палец, то грызла ногти или бесконечно теребила какое-нибудь из своих украшений. Под ненакрашенными глазами Вирве залегли темные круги, нос казался красноватым. Девушка выглядела уставшей.

— Здравствуй, Вирве, меня зовут Анна Фекете, я старший констебль убойного отдела.

Вирве явно нервничала.

— Если я правильно понимаю, ты лучшая подруга Рийкки?

Ноздри и подбородок Вирве задрожали, из ее горла послышался хрип — Вирве пыталась не расплакаться.

— Она была моей лучшей подругой с первого класса, — сказала Вирве по-детски нежным голоском.

Анна протянула ей носовой платок. Она ощущала себя терапевтом — вроде того, к которому ее саму в старших классах неоднократно отправляли по направлению школьного куратора и комиссии по воспитанию учащихся. Там тоже всегда наготове имелся пакетик с бумажными салфетками, правда, Анна ни разу им не воспользовалась, потому что она не раскисала, да и ничего особенного не рассказывала терапевту. После третьего сеанса она заявила куратору, что больше не пойдет туда, что пробежки имеют для нее куда более терапевтический эффект. Куратор сказала, что обеспокоена ее судьбой. В ответ Анна только рассмеялась ей в лицо.

— Поплачь, — сказала Анна. — Тебе должно быть тяжело.

— Да, ужасно. Я даже нормально спать не могу с тех пор, как мне позвонила мама Рийкки и рассказала о случившемся. Я так и вижу: Рийкка собирается на пробежку, надевает эти мерзкие спортивные — и это повторяется все снова и снова, как будто в голове у меня заело пластинку.

«Любопытный поворот, — подумала Анна. — А что, если они были вместе, когда Рийкка собиралась на свою последнюю пробежку?» Она взяла себя в руки, достала из ящика брошюру кризисного центра, протянула ее Вирве. Та бегло полистала книжку, поблагодарила и убрала ее в свою кожаную кошелку с лапшой по краю.

— Имеет смысл обратиться к ним за помощью, все же за государственный счет и бесплатно. Если позволишь, я должна задать несколько вопросов. Годится?

Вирве высморкалась в бумажный носовой платок и кивнула.

— Итак, начнем. Была ли Рийкка с тобой в тот день, когда погибла?

— Была-была, не весь день, но почти. Она живет... то есть жила вместе со мной.

— Что?

— Она жила вместе со мной с тех пор, как они разбежались с Йере.

— Что же, Рийкка и Йере разошлись?

— Да, как раз на Иванов день, и Рийкка сразу переехала ко мне.

— Насколько я понимаю, родители Рийкки об этом не знали.

— Естественно, нет. Рийкка хотела им рассказать после переезда в Ювяскюля. Она

боялась, что родители начнут капать ей на мозг, мол, перебирайся к нам, они и без того были в шоке, что они с Йере съехались. Да она вообще ничего им не хотела рассказывать, пока не хотела.

— Почему Рийкка и Йере разошлись?

— Рийкка решила, что надо двигаться по жизни дальше. Обрести свободу и все такое. Она же была совсем юной, когда у них все завертелось. Редко, когда такие отношения длятся вечность.

— Они ссорились?

— Под конец отношений по весне, и бы сказала, что крепко ссорились.

— Ты знаешь причину?

— Она считала, что Йере самодурствует, и ее это раздражало.

— Значит, Рийкка была инициатором разрыва?

— Да.

— Как Йере к этому отнесся?

— Наверное, он хотел быть вместе и дальше. Вы же не предполагаете, что Йере сделал это?

— Наша задача — расследовать, а не предполагать.

— Нет, Йере уж точно на такое не способен.

— Он проявлял признаки насильственного поведения по отношению к Рийкке и вообще?

— Нет, он же не его отец. Да мне кажется, Рийкка немного преувеличивала всю их историю. Вот как будто в ней самой все было в порядке! В отношениях всегда есть две половинки.

Анна кивнула, дав понять, что согласна с Вирве. У нее в голове крутился пункт из пособия по тактике ведения допроса: покажи жестами, выражением лица и голосом, что ты слушаешь допрашиваемого и живо интересуешься его показаниями. Подыграй ему, когда это необходимо и целесообразно для того, чтобы обрести его доверие.

— Получается, что отец Йере скор на расправу?

— Он алкаш конченный. Говорят, что он, когда выпьет, дубасит свою жену. Да я и помню, как Лийса часто ходила с фингалом под глазом. Она работает уборщицей в нашей школе.

— Давай-ка ты теперь попытайся припомнить весь тот день, прямо с утра, когда погибла Рийкка. Это было воскресенье. И расскажи все очень подробно, как только можешь, — попросила Анна.

Вирве опять высморкалась и, сделав глоток воды, начала накручивать на палец очередную прядку волос. Ее взгляд беспокойно бегал по стенам, иногда останавливаясь на Анне. Казалось, что девушке сложно сосредоточиться, что она немного не в себе. Затем Вирве закрыла глаза и два раза глубоко вдохнула и выдохнула.

— В общем, мы проснулись где-то около десяти. Рийкка спала в гостиной. Позавтракали, делать было особо нечего. На улицу идти не хотелось, погода была так себе. Я большую часть времени провела у себя в комнате. Я снимаю двушку в центре, там спальня и гостиная, крохотная кухонька. Читала, слушала музыку. Рийкка, наверное, занималась тем же самым. Потом днем она пошла в душ и начала краситься. Сказала, что пойдет в город. Она вернулась около пяти и сказала, что пойдет на пробежку, а оттуда домой на ночь.

— Тебе это не показалось удивительным?

— Что именно? Что она пошла на пробежку?

— И это тоже, и то, что она днем пошла в город.

— В общем, не особенно. Подумала разве что, как она в дождь-то побежит, я лично ни за что — предпочитаю йогу. Потом, я не удивилась, она была такой все лето. Конечно, я была в курсе, что у нее новые отношения, но больше всего меня добивало, что она ничего мне об этом не рассказывала.

— У Рийкки появился новый мужчина?

— Она молчала как рыба, но я все видела.

— Как?

— Она прямо летала, вдруг стала такой таинственной: куда-то уходила, а до этого долго красилась. А еще начала бегать, мол, похудеть надо. Ночами пропадала где-то.

— Когда это началось?

— Точно не скажу. Может, на Иванов день — где-то в конце июня, начале июля. В любом случае почти сразу, как они с Йере разошлись. Я даже думаю, что она с тем мужиком познакомилась еще до их разрыва.

— А ты интересовалась?

— Попробуй угадать, сколько раз! Но она отвечала, что у нее никого нет, она вообще не соглашалась обсуждать со мной эти вопросы. Странно, я ведь, точнее, мы всегда делились таким друг с другом. Всегда.

— Как по-твоему, почему Рийкка не рассказывала?

Вирве опять на секунду замолчала, посасывая скрученную в рульку прядь волос.

— Я подумала, что это не мужчина.

Анне показалось, что у нее в голове промелькнула какая-то мысль, но Вирве тут же продолжила, так что зацепиться ей не удалось, и мысль исчезла.

— Но я все равно не понимаю, зачем ей было бы стесняться такого, особенно со мной. Знала же она, что для меня вопрос половой принадлежности партнера вообще не важен — любовь важнее всего. С другой стороны, Рийкка гетеросексуальна до мозга костей, в этом мы с ней сильно разнимся, точнее, разнились. Жутко говорить в прошедшем времени.

Вирве расплакалась. Она уронила голову на руки и начала хныкать. Анна протянула новый платок и начала ждать, пока та успокоится, а потом продолжила:

— Вернемся к событиям того дня до того, как Рийкка отправилась на пробежку. Итак, она вернулась из города около пяти. Попытайся точно вспомнить, о чем она говорила, что делала и какой показалась.

— Да-да. Во всяком случае, она отказалась есть. Я приготовила омлет — очень вкусный — и когда позвала ее к столу, то она отказалась, сказав, что поела в городе.

— Не спросила, где?

— Нет. Я вообще не решилась что-либо спрашивать. Она легла на диван и сказала, что устала.

Весь ход допроса Анна фиксировала на компьютере, а еще заносила пометки в свою записную книжку, и сейчас она записала: «Где Рийкка обедала 21.8.?»

— Что дальше?

— Я поела одна, вымыла посуду и пошла к себе посмотреть телик. А раз вы спросили, какой она мне показалась, то показалась она мне совершенно убитой. Тупо лежала на диване, потом я услышала, как она пошла в душ, я вышла из своей комнаты и увидела, как она натягивает на себя зеленый тренировочный костюм и... Блин, я должна была помешать ей!

Последние слова Вирве утонули во всхлипываниях.

— Что ты делала после ухода Рийкки?

Вирве обернулась к Анне, в ее заплаканных глазах стоял испуг.

— Осталась дома, провела весь вечер одна.

— Может ли кто-нибудь подтвердить это?

— К чему? Наверное, нет, я же была одна, — разволновалась Вирве.

— Не стоит нервничать. Это стандартный вопрос. В тот день кто-нибудь звонил Рийкке? Может, она получала сообщения? Может, она сама звонила?

— Не припомню, не слышала. Я все время провела в своей комнате. Как же так, я должна была надавить на нее, чтобы она рассказала мне, что у нее там за тема, тогда, возможно, ничего такого не случилось бы, — сказала Вирве сквозь слезы.

— Сделаем небольшой перерыв. Могу принести чего-нибудь, хочешь кофе?

— Спасибо, можно чаю? Кто это сделал? Зачем?

— Именно это мы и пытаемся выяснить.

— Это точно был не Йере.

— В смысле?

— Он не убийца.

— Ты знаешь, где Йере?

— Нет, — испуганно ответила Вирве.

— Йере словно испарился в воздухе.

Девушка молча теребила браслет.

Анна сходила за кофе для себя и чаем для Вирве. Они молчали. «В ней есть нечто странное, причем даже не в продуманном до мелочей имидже — нормальный вид городской молодежи, она явно встревожена, хотя и это нормально — все нервничают, общаясь с полицией, даже если совесть спокойна». Тем не менее Анне казалось, что Вирве что-то скрывает. «Как и все мы», — подумала Анна.

В одном Эско прав точно: здесь стоит засунуть эмоции куда подальше, они могут завести не туда. А много обсуждаемая интуиция, вероятней всего, либо чистая случайность, либо обретенный с годами опыт.

Анна допила кофе и ощутила изжогу. «Наверное, заварили с утра, и вкус-то у него стоялый. Этого еще не хватало», — подумала она, ставя кружку на стол.

— Расскажи немного о Йере, — попросила она. — Что он за человек?

Чай явно пошел Вирве на пользу, она начала успокаиваться. Раздражающее брнчание украшений прекратилось, ее взгляд больше не блуждал туда-сюда, сконцентрировавшись на кружке, спрятанной у нее в ладонях, как в гнездышке. Дуя на поверхность, девушка словно взвешивала свои слова, а когда она открыла рот, то показалось, что заговорила с чаем.

— Йере — нормальный парень. Мы все трое из одного и того же городка, только он на два года старше нас с Рийккой. В школе и в лицее все, кроме меня, были в него втрескавшись по уши. Он симпатичный, спортивный, но, по-моему, чертовски заносчивый. В смысле раньше был, сейчас уже не такой. Любит походы, думаю, что он себе на уме, раз даже на математический поступил. Мне все время казалось, что он пытается скрыть свою невзрачную наследственность эдакой спортивностью. То есть если бы он вставил себе булавку в щеку, то это было бы куда понятнее. Но девчонкам нравилось. Для Рийкки он стал вроде воплощения подростковой мечты, ей всегда нравились мускулистые парни с кубиками, хотя сама она, мягко говоря, немножко пухловата. Рийкка была слегка поверхностной,

внешний вид для нее значил многое, но при всем этом она в сто тысяч раз куда более проникновенная, чем ее родичи. Они те еще мещане, вы видели их?

— Вы близки с Йере?

— В смысле? Нет, — ответила Вирве почти сердито. — Ну, мы много общались, конечно, через Рийкку, — продолжила она, пытаясь придать голосу более дружелюбное звучание, — но ничего глубокого.

— Ты уверена, что не знаешь, где сейчас Йере?

— Да откуда я могу знать?! Я его не настолько хорошо знаю.

— Кстати, а ты есть в «Фейсбуке»?

— Да.

— А Рийкка с Йере?

— Они тоже, правда, Йере не очень активный пользователь.

— Если позволишь, я бы посмотрела в твоём профиле, вдруг кто из них оставил какую-нибудь запись, которая могла бы нам помочь.

— Конечно, только я не уверена, что там можно найти чего-нибудь. Имею в виду, что Йере давно ничего не постил, а Рийкка... — тут голос Вирве дрогнул, и она замолчала.

Анна открыла сайт «Фейсбука», и Вирве вошла на свою страницу. На аватарке она стояла освещенная ярким солнцем в тени огромной пальмы.

— Красивое фото, где сделано?

— В Мексике, — ответила Вирве. — Ездил туда дикарем прошлой весной сразу же после экзаменов.

— Ух ты, — произнесла Анна и принялась читать записи на стене.

«О чем вы думаете?» — спросил «Фейсбук». «Вот если бы ты мне рассказал», — подумала Анна, прочитывая короткие обрывки текстов, при помощи которых все 286 друзей Вирве сообщали друг другу о своих делах. В списке друзей Анна щелкнула по имени Рийкки. Перед ней открылся ее профиль: аватарка сделана веб-камерой или телефоном, судя по углу съемки и нечеткости изображения. На нее с экрана смотрели все те же пухлые щечки, что и на выпускной фотографии, и те же серо-синие глаза, которые должны были увидеть еще много десятков лет. Шиза какая-то: жизнь продолжается здесь, в виртуальном мире, хотя комменты Рийкки закончились двадцать первого числа. После этого ее стена заполнилась записями «покойся с миром» от потрясенных друзей. Анна подумала, что надо бы не забыть напомнить Юхани и Ирмели, чтобы удалили эту страницу.

В течение лета Рийкка постила примерно раз в неделю, удосуживаясь сообщать друзьям о своей жизни лишь в духе «съела мороженое», «пошла поплавать», и только однажды написала, что ходила на пробежку. Датировано серединой июля. Анна быстро пролистала список друзей — сто три человека. Девушкам явно было чем заняться, кроме как сидеть перед компьютером. Потом Анна щелкнула по Йере: 754 друга, никакой жизни на стене — Вирве не врал. Йере не сливал ничего о себе в Сеть и даже не участвовал в обсуждениях с другими. Удивительно, как это Йере удалось собрать такое количество друзей. Анна спросила об этом у Вирве.

— Почему мне знать, — ответила та, — случаются такие персонажи, которым по приколу, когда в «Фейсбуке» куча друзей.

Анна покинула страницу и поблагодарила Вирве. Ничего определенного, надо еще изучить личные сообщения Рийкки и ее переписку по имейлу.

— Хорошо, давай проговорим все сначала для четкости протокола. Не устала? —

спросила она у Вирве.

Та опустила чашку, выпрямила спину и сказала:

— Могу еще.

Они еще раз прошлись по всем обстоятельствам — никаких изменений в показаниях. Затем Вирве перечитала протокол, проверила правильность показаний и подписала, гремя браслетом. Под конец Анна попросила Вирве подготовиться к тому, что очень скоро ее вызовут повторно: предположение о вероятной новой интрижке, а также наблюдения в день гибели Рийкки настолько существенны с точки зрения следствия, что к ним придется еще вернуться. Вирве сказала, что охотно окажет помощь следствию. «Пожалуй, это первая вопиющая ложь», — подумала Анна.

После ухода девушки Анна должна была сразу пойти к Эско Ниemi и доложить ему о том, что дело обрастает новыми важными деталями: разрыв Рийкки и Йере и тайная связь девушки. Собственно, Анна даже дошла до кабинета коллеги, даже подняла руку, чтобы постучаться, но потом изменила свое решение. Не смогла. Не решилась.

Неприязнь Эско ощущалась через дверь, и если бы она хотя бы прикоснулась к двери, то опалила бы себе костяшки пальцев. Она не знала, как разрешить дилемму, с какого боку ей вообще подойти к Эско. И если она не разрешит ее, то как сможет работать в этом отделе, на этом участке, в этом городе?!

Вместо того чтобы постучаться к Эско, Анна надумала пойти к Сари. Там уже был Рауно. Они обсудили только что полученную информацию и ее влияние на ход расследования. Нужно попытаться выяснить, кто этот новый мужчина Рийкки. Или женщина. Усилить поиски Йере. По-прежнему никакой информации о его местоположении. Ничего по ружью.

Под конец Анна рассказала о своих опасениях насчет Эско, о том, как обидело ее посланное Рауно сообщение, как она боится, что дело затянется, а то и вовсе встанет из-за всего этого. В ответ Рауно озвучил ту же мысль, что и Сари раньше, мол, Эско изменится, дай только срок, наберись терпения.

Бесит.

На улице Анна всосала в себя сигарету и решила, что на сегодня работать хватит. По дороге домой она купила в магазине готовую пиццу. Кассирша приветливо поздоровалась и сказала «до свидания». Стало полегче.

В пустой кухне писк микроволновки настроил Анну на грустную волну: пожалуй, надо прикупить чего-нибудь, хоть шкафы заполнить, хоть коврик какой на стену, чтобы звук приглушался. Шторы могли бы помочь. Проглотив пиццу, она почувствовала такую дурноту, что решила не идти на пробежку. А ведь сегодня по графику длинная дистанция. Анна планировала бегать часа полтора минимум: из Койвухарью через Савела в Коскела и оттуда по велосипедной дорожке вдоль берега моря обратно. Можно и завтра. Вместо бега она включила телевизор и открыла пиво — несколько баночек оказались прихваченными вместе с пиццей. Канал за каналом она искала что-нибудь подходящее, но впустую. Как такое возможно, ведь каналов десятки?! Она выключила ящик и вышла на балкон покурить. «Может, нахрен этот телевизор, — думала она, выпуская колечки дыма в сторону окна дома напротив. Легкий ветерок сносил их в сторону. — Отдать телик, да хоть Акосу». Собственно, Анна даже не понимала, к чему купила телевизор два года назад. Ведь по нему никогда ничего путного не показывали. От этого дебильного шоу-биза стало так же худо, как и от

только что съеденной пиццы. А ведь она собиралась перейти на здоровую пищу. Анна затушила сигарету в пепельнице. Скоро повалится через край, нет, всему этому нужно поставить точку. Больше никаких полуфабрикатов и курева, никакого пива и тотальной овощезации перед зомбоящиком!

Она открыла ноут и набрала в поисковом окне — «насилие на почве чести». Тысячи статей. Случаи встречаются повсеместно в Европе. Исследования. Информация. Проекты. И несмотря на все это, прояснить тему не получается: судебных прецедентов почти нет, во всяком случае, в Финляндии, да и само понятие туманное. Законодательство продолжало тащиться на паровозе в то время, когда действительность неслась на высокоскоростном поезде.

Анна читала, пока глаза сами собой не начали закрываться. Выключив компьютер, она забралась в постель и отдалась усталости, но в темной комнате сон еще долго не приходил к ней.

Сари аккуратно подмывалась. На ее половых губах образовалась болячка и неприятно щипала. «Всю сперму и воду — туда в унитаз — все семя туда, к счастью, у меня гормональная спираль», — думала она, сотрясаясь от радости и тепла. Муж вернулся домой из недельной командировки очень удачно, когда детям полагалось пойти спать. Он почитал им на ночь сказку, а после, недолго думая, сграбастал ее, отнес в спальню, и дорожной усталости как не бывало. «Хоть какая-то радость от разъездов. А секс все такой же бурный уже сколько лет подряд — награда за недели одиночества, что оставляет меня одну, собственно, не такая уж и плохая награда», — думала Сари. Она вытерлась и забралась обратно в теплые объятия мужа. Можно и продолжить, но она знала, что лучше немного подождать.

— Как прошла неделя? — спросил муж, нежно глядя ее по спине.

— Ужасно. Два дела навалились одновременно — убийство и насилие на почве чести. Последнее, возможно, ложная тревога, но первое — случай серьезный. А еще Эско решил побыть говнюком, кажется, пьет каждый вечер, ведет себя грубо по отношению к нашей новенькой — начала в понедельник. Ее зовут Анна Фекете.

— Какая она, эта Анна?

— Приятная. Умная. Немного тихая.

— У вас там вторую оторву вряд ли выдержат.

— Слышь, иди в задницу, — сказала Сари и ударила мужа подушкой. — Вчера ходили с ней в зал. Она идеально говорит по-фински, на самом деле просто на отлично, даже не слышно, что она не из Финляндии. Напрасно я боялась. Кстати, я ее хочу как-нибудь пригласить к нам.

— Вот как. Ну что же, отлично. Откуда она?

— Кажется, из Сербии. Я пока еще не особенно расспрашивала. Кто-то сказал, что она сербка, на следующей неделе разужнаю подробнее. Мы договорились, что будем ходить в зал вместе каждую неделю.

— Мило.

Рука мужа гладила по животу, грубые пальцы слегка царапали кожу.

— А как у тебя прошло? — спросила Сари. — Ах, как приятно!

— Китай — это какой-то кошмар. Грязная страна, хаотичная. Во всяком случае, так в Пекине. Главное, что по сделке мы все согласовали. У тебя отличная кожа.

— Тебе нужно будет снова поехать?

— Только после Рождества. К счастью.

— А что, если мы с детьми поедem тоже? Я могла бы взять отпуск. Интересно поглазеть на их культуру.

— А почему бы и нет, только я не смогу с вами проводить много времени.

— Не беда. Так получится ли?

— Сделаем!

Записал телефон Сари, но ей было не до него.

— Я люблю тебя, как же я скучал!

— Я тоже, — пробормотала Сари уже в рот своему мужу. Дети той ночью не проснулись ни разу, хотя их родители не особенно себя сдерживали.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Богом клянусь! (араб.)

Спокойной ночи *(венг.)*.

В Финляндии учебный год начинается в первой половине августа.

Твою мать (*венг.*).

Боже мой! (венг.)

Дура (венг.).

Зд.: Отвяжись! (венг.)

Как дела? Какие-то проблемы? *(венг.)*

Все в порядке, спасибо. Как ты? *(венг.)*

Ну, у меня тоже все в порядке *(венг.)*.

Вот сучья жизнь *(венг.)*.

После обеда (венг.).

Зд.: черт возьми (венг.).

Пока (венг.).

В точку (венг.).

Какой кошмар! (венг.)

Омерзительный (*венг.*).

Хочу попробовать (*англ.*).

Зд.: вот херня! (венг.)

И будь там поосторожней *(англ.)*.

Дерьмо (*венг.*).

Букв.: Ты такая сексуальная. Такая сексуальная там (англ.).

Пошли есть (венг.).

Зд.: твою мать (*серб.*).

Прости (венг.).

Хорошо *(венг.)*.

Финская сеть ресторанов «Амарилло» входит в группу «СОК», специализируется на тexasско-мексиканской кухне.

Зоран там будет? *(венг.)*

Возвращайся (*серб.*).

Кто это был? (серб.)

Жаль (*серб.*).

Что поделаешь (*серб.*).

Твою мать (*серб.*).

Хочу тебя трахнуть *(англ.)*.

Трахну тебя, шлюха (*иск. англ.*).

Осторожно, осторожно (*венг.*).

«Изюм» (здесь имеется в виду сказка Агнеш Балинт «Изюмка и Гном»).

Одна из крупнейших газет, издаваемых в Финляндии.

Что? (серб.)

Ну ты и хер, Зоран! *(серб.)*

Давай (*серб.*).

Ничего (серб.).

Пока (серб.).

ГовнЮк (*англ.*).

Финская группа, исполняющая электронную музыку.

Боже! (араб.)

Школьная успеваемость в Финляндии оценивается по системе от 4 до 10 баллов.

Вопросы? *(англ.)*

Привет, мама! (венг.)

Привет, моя дорогая девочка, как ты? *(венг.)*

Черт возьми, мама! *(венг.)*

Зд.: Вот дерьмо! (венг.)

Твою мать, Акос, я спала *(венг.)*.

Извини (венг.).

Зд.: ТВОЮ МАТЬ! (*серб.*)

Просторечное обозначение иммигрантов, сокращение от финского «maahanmuuttaja». Используется как в унижительном, так и в нейтральном значениях.

Популярный горнолыжный курорт на севере Финляндии.

Извини, Анна, извини, все в порядке *(венг.)*.

Спасибо, Анна, большое спасибо *(венг.)*.

Очень популярный в Финляндии кофе.

Я затрахаю тебя до смерти *(англ.)*.